

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14427

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 7 (20) МАЯ 1916 ГОДА.

№ 14427

ПРИБЫТИЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВО ФРАНЦІЮ.

Войска отправляются съ пристани за оружиемъ.

Начальникъ особаго отряда ген. Л. бесѣдуетъ послѣ высадки съ военнымъ губернаторомъ Марселя.

Въ молодой травѣ зеленої
Первѣски голубые разцѣли,
Звонокъ бѣгъ воды студеной,
Вѣтеръ вѣтъ запахомъ земли.
Принѣхъ веснинъ соковъ ароматы
Напоили, окурили лѣсъ.
Возвести снѣжинъ зеленыя налаты
Переплетихся вѣтвей падѣть.
Зимогазинъ зеренъ вывелъ всходы
Буйныхъ силъ ликующій приливъ
И ковромъ лежитъ богатый даръ при-
роды
На груди сырой воскресшихъ нивъ.
Эти яркіе, веселые побѣги
Оживляютъ ужъ отрадною мечтой—
Въ животворной теплотѣ и нѣгѣ
Близокъ день и жатвы золотой!

Гемма.

Оригиналъ Наташи Ростовой въ
романѣ „Война и Миръ“ *.

У.

Осенью началась псовая охота. Дядя Левочка, страшно любивший охоту, частоѣздила съ борзыми, иногда даже въ отѣзжее поле. Таня почти всегда сопровождала его. Это было ей любимое удовольствіе. Она говорила: «Охота сблизяетъ съ природой, которую я такъ страстно люблю».

Я и сестра Лиза тоже принимали участіе въ охотѣ верхомъ, а чаще въ санихъ.

Намъ съ Таней особенно нравилась осенняя природа. Эта яркая окраска лѣса въ солнечный день, когда желтые листья осипались съ деревьевъ и, медленно крутились въ воздухѣ, падали на землю.

Не стану описывать самой охоты, она была уже описана нѣсколько разъ, скажу только, что удачная травяя вызывала истинную радость охотниковъ, выраженную всѣми обицими говоромъ, смѣхомъ и оглушительнымъ, не то визгомъ, не то крикомъ Таня, который далеко несся по полямъ.

Въ «Войнѣ и Мирѣ» написано: «Она этимъ визгомъ выражала то, что выражали другие охотники своимъ единовременнымъ разговоромъ».

Раздача винтовокъ.

Войска готовятся къ выходу изъ лагеря.

Соня*, къ сожалѣнію, частоѣздила съ нами не могла изъ-за дѣтей, а єздила лишь изрѣдка.

15 октября 1863 года ожидали прѣѣзда настѣпника цесаревича Николая Александровича въ Тулу. Девяносто дамахъ балъ. Въ Ясную Поляну прѣѣхали предводитель П. Ф. Самаринъ, Раевский и другіе и рассказывали про приготовленія къ балу.

Соня, желая доставить удовольствіе сестрѣ, просила своего мужа побхать съ Таней на балъ. Сама она не побхала по болѣзни, по заботу о воздушномъ бальномъ туалетѣ Таня она принялѣ на себя. Въ день бала Таня прѣѣхала въ Тулу къ тетушкѣ Пелагеѣ Ильинишѣ Юшковой и тамъ, уже одѣвшись въ бальное платье, она прѣѣхала къ баронессѣ Менгденъ, которая была такъ добра, что взялась шапонировать Таню.

Про этотъ балъ я знаю мало, но я слышала, что онъ былъ изъ удачныхъ. Левъ Николаевичъ наѣхалъ много своихъ прежнихъ знакомыхъ въ свитѣ Наслѣдника и былъ очень окружженъ. Но Таня никого не знала. Во время «пельмѣнного» она стояла съ своей родственницей Ислениевой у колонны и тутъ же плакала, что она не танцуєтъ, и, даже когда заиграла вальсъ, она не могла танцевать съ чужими. Но дядя, встрѣтясь на балѣ съ молодымъ княземъ Д. Д. Оболенскимъ, котораго онъ давно знать, представилъ его Танѣ. А князь, въ свою очередь, подводилъ ей и другихъ, такъ что она танцевала весь вечеरъ и очень веселилась.

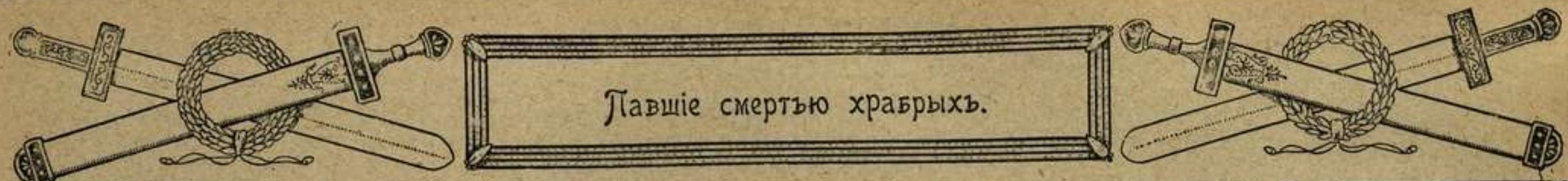
Въ романѣ «Война и Миръ» сказано: «Наташа показалось оскорбительнымъ это семейное сближеніе здѣсь, на балу. Она готова была плакать, что не она танцуєтъ этотъ первый туръ вальса. Князь Андрей предложилъ туръ вальса...»

«То замирающее выраженіе лица Наташи, готовой на отчаяніе и на восторгъ, вдругъ освѣтилось счастливой, благодарной дѣтской улыбкой».

Таня пишетъ Поливанову ** (1867 г.): «Начну прямо съ того, что на балѣ была. Въ тульскомъ соборѣ для Наслѣдника давали. Я была съ Левочкой и баронессой Менгденъ. Сначала я чуть не плакала—

* Гр. Софья Андреевна Толстая.

** Другъ дѣтства Т. А. Кузминской.

Ген.-к. М. Г. Мандрыко.

Полковн. И. В. Ковалевский.

Прапорщ. М. М. Соколовъ.
Кагр. орденомъ св. Георгія 4 ст.

Прапорщ. В. Ю. Чахурскій.

Подполк. Е. М. Ивановъ.

Подпор. В. А. Таракинъ.

Хорунжій Д. М. Жировъ.

Хорунжій Ф. М. Жировъ.

Вольноопр. А. А. Шишмаревъ.

Подпоруч. Б. Н. Кипитинъ.

VII.

Дядя споза пишеть письмо родителямъ границу съ Римъ или Неаполь. Разумѣется, Ни года, ни числа на письме не было. Но знаю, что оно было написано въ 1864

года, и я пишу письмо родителямъ Тани, ежели вы поручите ее опять слѣднєе письмо твоемъ оторвши моя. Я былъ обрадованъ видѣть въ убогаго ее. Я боялся и предчувствовалъ, что тебѣ столько твердости характера и блаженства, въ срединѣ иона.

«Пишу вамъ изъ Никольского, где мы упражняемъ меня въ думѣ. Пожалуйста гордую, честную натуру, не замедлившую

вы упражняете меня въ думѣ. Но, право, виновата выражается при первомъ случае. Я такъ

живемъ третій день. Не могу безъ замѣнъ сказать мнѣ все. Но, право, виновата выражается при первомъ случае. Я такъ

ранія сердца думать во всѣ судьбы. Такъ Богу угодно было, хвалю твоё поведеніе и благодарю тебя, взгляда на это дѣло и все, что вы думаете и не могу не думать, что то, что мы называемъ

и говорите. Дѣло вполнѣ конечно. Какъ ни внемъ несчастіемъ, можетъ быть,

«Пишу вамъ изъ Никольского, тотчасъ послѣдній разъ. Онь теперь

побѣжалъ въ Покровское, чтобы ви- спрашивали, противъ брата. Но я старше упрѣзеній совѣсти, и сама не сдѣлалась

дѣться съ братомъ. Я видѣлся съ нимъ и, ея, и энѣ мнѣ братъ.

вѣроятно, въ послѣдній разъ. Онь теперь

убѣжалъ въ Тулу. Наше же намѣреніе положенія, съ такимъ постушеніемъ на душѣ.

состоитъ въ томъ, чтобы пробыть здесь. «Tout comprendre, c'est tout pardonner».

мѣсяцъ, полтора, въ новыхъ для Тани пег». Она виновата въ лежкомыслии. Объ

ѣздахъ, въ близости ей пріятныхъ людей: щать, не развязать прежнихъ «тишений»!

Дьяковыхъ, Машеныхъ съ дѣтьми. Теперь Но послѣ этого онъ страдалъ не меньше ея,

самое для васъ интересное о ней: она тро- но даже больше. Онь мнѣ повторялъ еще

гателна до послѣдней степени, кротка и въ послѣдній разъ: «Я только прошу

чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣшіе наши планы слѣдующіе: Чтобы звать антии родителей Тани въ какъ я тебѣ пожалѣла, прочитавъ твоё

письмо. После такой радости вдругъ такое

пробудемъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ сентябрь отца, а другое отъ матери ея, отѣйтъ на горе. Но и полюбовалась также я на тебѣ, холмистой мѣстностью, съ лѣсомъ на берегахъ.

«Дальнѣші

КЪ ДВИЖЕНИЮ НАШИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ МАЛОЙ АЗИИ.

Общий видъ Трапезунда.—I.

Председатель Калиушского окружного суда
А. А. ЗЕЛАНДЪ.

Въ июль 1914 г. онъ былъ взятъ изъ качественнаго агентства въ пленъ германцами, отвезенъ изъ Познани и заключенъ въ одиночную катаржную тюрьму. Черезъ мѣсяцъ его перевели изъ Котбуса (изъ лагеря для военнопленныхъ), а по времени выпаденіи сыпного тифа изъ лѣтней барахлы, где онъ получилъ плаврѣнѣ. После этого его перевели въ Калиушъ, безъ права выѣзда изъ занятыхъ германцами территорий. Черезъ годъ онъ былъ позирающій на родину уже совершилъ болѣнь и скончался въ октябрѣ 1915 г. отъ истощенія организма.

Это имѣніе теперь перешло къ старшему сыну Льва Николаевича,—Сергѣю.

Въ прежнія времена тамъ стоялъ небольшой домъ, но теперь и садъ, и домъ узнать нельзя, и то и другое обстроено, просторно и красиво. Мы недавно еще были тамъ съ Соней и Таней и съ умилениемъ вспоминали нашу молодость.

Переѣхать съ дѣтьми въ Никольское состоялся тогда въ половинѣ іюня. Милая, заботливая Соня хлопотала обо всемъ. Она устраивала комнаты себѣ, мужу, дѣтямъ и Танѣ и заботилась обо всемъ. Таня ни во что почти не входила, да Соня и не допускала ее.

Жизнь Таня какъ бы застыла. Она сидѣла цѣлыми днѣми неподвижно, устремивъ свой взоръ въ одну точку. Она ни съ кѣмъ не разговаривала и нехотѣло отвѣтчала на вопросы. Пѣніе было заброшено, и только верховая лошадь «Бѣлогубка» поѣрою уносила ее куда-нибудь въ лѣсъ, где она знала, что никого не встрѣтить, и где она давала волю слезамъ своимъ.

Въ «Войнѣ и Мирѣ» написано про си праственное состояніе:

«Она не только избѣгала всѣхъ выѣзжихъ условий радости: баловъ, катанія,

ИЗЪ ЖИЗНІ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕЙ.

При подъемахъ ... существовали пластины Н-ской бригады, пробывшіе около 8 мѣсяцевъ на передовыхъ позиціяхъ и собиравшіеся на побывку домой. Когда задача воздухоплавателей была исполнена, пластины просили поднять кого-нибудь изъ нихъ. Получивъ согласіе, они избрали для полета самаго заслуженнаго казака Кумова.

концертозъ, театра, но она ни разу не смыкалась такъ, чтобы изъ-за смѣха ея не слышны были слезы. Она не могла пѣть. Какъ только она начинала смыкаться, или пробовала, будучи одной, пѣть, слезы душили ее: слезы раскаянія, слезы воспоминанія о томъ невозвратномъ чистотѣ времени, слезы досады, что таѣкъ задаромъ погубила свою молодую жизнь».

Таня пишетъ Поливанову:

«Странно, хочу здѣсь развернуться, быть веселой, и никакъ не могу; засмѣюсь—не отъ души, стану пѣть—выѣдетъ вместо пѣнія слезы. Когда это только все кончится. Конца не вижу».

Когда дядя Левочки, бывало, шутя скажетъ ей послѣ посыпки молодого соѣда В., или еще кого-нибудь:

— Таня, куда дѣвалась твоя кокетливость? Ну-ка, махни старницей!

Она съ улыбкой покачаетъ головой и лѣнко отвѣтитъ:

— Не могу, для меня теперь все мужчины, какъ наши Трифоновы».

Въ «Войнѣ и Мирѣ» сказано:

Брапорщикъ В. Н. Архангельский.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Древнія стѣны въ Трапезундѣ.

* Старая прислуга, при которой родилась Таня.

Общий вид Трапезунда.—II.

Храмъ Пресв. Богородицы «Златоглавой» въ Трапезундѣ, превращенный Турками въ мечеть.

Высокопреосвященный ХРИСАНДР, митрополит Трапезундский. Своимъ энергичной и самоотверженной деятельностию онъ одинъ способствовалъ ишькому смѣгчению турецкаго гнѣта надъ мѣстными христианами.

— Для меня теперь все мужчины, какъ шутъ—Настасья Ивановна.

Дядя Левочки черезъ иѣкоторое время опять пишетъ отцу Тани изъ Нижегородскаго.

«Любезный, дорогой другъ, Андрей Евстафьевичъ, много интереснаго и много приятнаго хотѣлось бы тебѣ написать о нашей жизни, но наша бѣдная Таня и у тебя и у меня на первомъ плачъ; она все такъ же печальна, молчалива, неожиданно и живетъ этаѣтъ страшнѣмъ для нея проицѣніемъ. Я такъ понимаю ее, что она безпрестанно воспроизводить въ овоемъ воспоминаніи тѣ минуты, которыя казались для нея счастливыми, и потому вскѣй разъ спрашивается себя: искукли это все кончилось? И колеблется между любовью и озабоченіемъ. Вытѣснить изъ сердца эту любовь можетъ только новая любовь. А какъ? Когда она придетъ? Это Богъ знаетъ. Тутъ помочь нельзѧ, а надо ждать терпѣливо, что мы и дѣляемъ.

«Она добра, кротка, покорна и тѣмъ болѣе ее жалко; желалъ бы все сдѣлать, чтобы помочь ей, а помочь—нельзѧ.

«За гитару и цыплята она рѣдко, почти

никогда не берется. И то, ежели къ ней пристанутъ съ просьбами, то она неминуемо поглощаетъ вполнѣ голоса и тотчасъ бросить. Утѣшительно, что здоровье ея еще хорошо, хотя она и перемѣнилась, что особенно поражаетъ тѣхъ, которые не видятъ ее, какъ мы, каждый день.

«Я жду многоаго отъ осени. Во-первыхъ, чтобы прошло лѣто звѣйное, тѣжелое, располагающее къ мечтательности, а во-вторыхъ, охота, а въ-третьихъ—перемѣна совершишно мѣста. Если бы не это наше общее семейное горе, мы были бы все очень доволы напиши тѣмъ. Я поспѣхъ вѣдь начать свой экскурсіи: первая была къ Дьякову, а съ лѣтомъ къ Шатилову въ Можайскъ. Это назѣрно самое замѣтительное хозяйство въ Россіи, и онъ самъ одинъ изъ самыхъ мильныхъ по простотѣ и знанию людей.

Сестра милосердія
Соф. Дм. Щербачева,
награжденная двумя Георгіевскими
медалями—4-й и 3-й ст., и золотой
«за усердіе» на Аленской лентѣ.

Почетная шлага, поднесенная французской учащейся молодежью

сербскому королевичу Александру.

Фестъ шлаги изображенъ собою сербскаго крестьянинна, который душитъ три змѣи: Германію, Австро-Венгрию и Турцию. Подъ ногами Серба—четвертая змѣя (Болгарія), подкравшаяся свади.

«Онь нась принялъ прекрасно, и эта поездка еще болѣе разогрѣла меня въ моихъ хозяйственныхъ предприятияхъ. Къ 25 июля меня звалъ Киреевскій тѣ отѣзда, по недоровью задержало меня, и я заѣтра отвезъ «своихъ» къ сестрѣ Машенькѣ и поѣду къ Киреевскому не раньше 27-го. Прощай, чѣлую тебя и всѣхъ. Л. Толстой».

Ни года, ни числа написано не было, но оно написано въ 1864 г. рѣюль.

В. Нагорная.
Рождественская графиня Толстая.
(Окончаніе слѣдуетъ).

Чужая.

Другихъ беззаботно мани,
Со мной ты бѣстѣдишь строго,—
Не бойся, не бойся меня,
Царенша моя Недотрога!
Въ груди моей сердце мертвое,—
И я подхожу безъ смущенія
Поздравить тебя и его
Въ торжественный день обрученья...
Какъ другъ, я цѣтвѣть подбери
Къ прическѣ и къ нѣжному стану,
На свадебномъ вашемъ пиру
И первый съ привѣтствіемъ встану...
Нусть сердце не бѣться въ груди
Нодь гнетомъ тяжелаго горя,—
«Гряди, голубица, гряди!»
Росклику я, пѣніе вторя...
И пусть я въ ту ночь не засну,—
Тебѣ, молодая,—что въ этомъ?
Га утро я встрѣчу привѣтъ
Счастливую вашу весну!..

В. Опочининъ.

Раздались скорбные, невѣрные аккорды;
Подъ шаловливою, дѣвической рукой,
Хранившіе такъ много лѣтъ покой,
Дрожащимъ голосомъ запѣла клави-
корды.
Улыбки рѣзвыя мелькнули на устахъ:—
Гесель къ юности приходитъ безпри-
чино!
Забыли всѣ о ней, сидящей въ кресль-
чино,
Старушкѣ сгорбленной, въ наколкѣ и
очкахъ.
Къ ней тѣ душу хлынула волна воспо-
минанья,
Потухшіе глаза омолодилъ огонь...
И жуткай вопль: «о перестань, не
трони!»
Прергаль усталыхъ струнъ нестройныя
рыданья.

Генн.

Шекспировскіе типы.

Бѣглые воспоминанія, вызванныя не-
давнимъ 300-лѣтіемъ со дня смерти
Шекспира.

Какъ ни великъ Шекспиръ, во славой
своей среди широкой публики онъ безспорно
обязанъ отчасти сценическимъ толко-
вателямъ своихъ безсмертныхъ траге-
дий,—исполнителемъ такихъ ролей, какъ
Гамлетъ, Отелло, Король Лиръ, Макбетъ
и др.

И самыи даровитыи исполнителемъ
этихъ образовъ, за послѣдніе полѣвѣка, по
крайней мѣрѣ, слѣдуетъ по справедли-
вости признать Томазо Сальвіни, прѣ-
жившаго въ Россію два раза и оставив-
шаго среди петроградскихъ театраловъ
неизгладимую по себѣ память.

Ген.-лейт., сенаторъ Мих. Мих. ЕГОРОДКИНЪ, назначенный членомъ Государ-
ственного Совета. Извѣстенъ своими литературными трудами о Финляндіи.

Послѣ Мочалова и Карапыгина на Руси бытовой репертуаръ и особенно пьесы
почти перевелись трагики, да и трагедія Островского. Пробовали выступать въ тра-
гакъ-то отошли въ сторону. Ее замѣнилъ гилическихъ роляхъ Шекспира и талантли-

СЕРГІЯ ОПЛЯТЬ ПОДНІЛАСЬ!

Фердинандъ.—Что такое? Я думалъ, что они навсегда исчезли со свѣта...
«Punch».

вые артисты въ родѣ Самойлова, но надо сознаться, что и Самойлову шекспировскіи роли не удавались.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прѣѣхалъ въ Россію знаменитый англійскій трагикъ Негръ Ольриджъ, имѣвший особенный успѣхъ въ роли Отелло, играя котораго онъ проявлялъ такую смѣртность, что актрисы, исполнявшія роль Дездемоны, положительно боялись, что, войдя въ азартъ, онъ ихъ задушитъ.

Ольриджъ обѣздалъ всю Россію, но, промѣн роли Отелло, особаго успѣха не имѣлъ. Всѣдѣ за нимъ, послѣ значительного перерыва, прїѣхалъ итальянскій трагикъ Россі.

Этотъ имѣлъ успѣхъ большой, почти колоссальный. Однимъ изъ поклонниковъ его былъ и я. Хотя я видѣлъ нѣкоторую ходульность его игры, но его фигура, могучій голосъ, да и самыи исполняемыи имъ роли—невольно увлекали.

— Тебѣ нравится Россія,—говорилъ мнѣ Кондратьевъ, всемогущій тогда режиссеръ русской оперы, мой однокашникъ, прожившій въ Италии лѣтъ десять.—Россія, конечно, хороша,—продолжалъ онъ,—но надо было бы тебѣ видѣть Сальвіни. Они оба ученики знаменитаго итальянскаго трагика Модены. Но Сальвіни, конечно, неоправданно выше Россіи.

И вотъ, наконецъ, прїѣзжалъ въ Россію Сальвіни.

Не пропустивъ ни одной роли Россіи, естественно я сталъ постояннымъ посѣтителемъ и спектаклей Сальвіни. И срѣтеніе этихъ двухъ трагиковъ напрашивается само собой.

Россія обладалъ великолѣпной фигурой, пластикой, дававъ незабываемыи видѣніе образы короля Лира, Отелло или Макбета. И въ этомъ смыслѣ онъ былъ, пожалуй, выше Сальвіни. Его «Отелло», котораго онъ изображалъ Негромъ, былъ положительно красивъ, гораздо красивѣе Отелло-Араба, Макра, котораго воплощалъ Сальвіни; но что касается тонкости и внутреннаго содержанія, то Россія, актеръ даже нѣсколько ходульный, не выдерживалъ, по моему, ни малѣшаго сравненія съ глубоко проникновенной игрой Сальвіни.

Въ Гамлеть, напримѣръ, Россія былъ положительно слѣбъ, слѣбъ и ходуль; въ Ромео же, когда, атлетического сложенія, съ породочными брюшкомъ, онъ натриво бросался на полъ, изображалъ 20-лѣтнаго перваго и стройнаго итальянскаго юношу—Россія производилъ положительно комическое впечатлѣніе, до такой степени его фигура не подходила къ роли.

Притомъ и декламація его была совсѣмъ такая пѣвучая, неестественная. «Mia Desdemona», или «mia Cordelia», напримѣръ, онъ положительно пѣть, а не говорить.

Почего подобнаго, ни малѣшаго диспанса, нельзѧ было подмѣтить въ Сальвіни, какія бы роли онъ ни игралъ.

Помимо полнаго реализма, естественности, игра его отличалась замѣчательной проникновенностью и глубиной, что отчасти обусловливалось его удивительнымъ голосомъ, пронизавшимъ въ самую глубину души слушателя и произвѣшавшимъ необычайную силу—гдѣ сила была умѣстна.

Въ противоположность чисто вѣтшней, и, скажу, грубоватой игрѣ Россіи, Сальвіни давалъ очень тонкія, крайне интересныи и оригинальныи толкованія Шекспира.

Такъ, въ извѣстной сценѣ, когда Полоній подходитъ къ Гамлету и спрашиваетъ: «Что вы читаете, принцъ?—всѣ трагики, которыхъ я видѣлъ и слышалъ, отвѣчали трагическимъ выраженіемъ, близкимъ къ отчаянію: «Слова, слова, слова». Такъ читалъ это мѣсто, какъ мы передавали, и Мочаловъ, произносящий «слова, слова, слова», съ такимъ отчаяніемъ, что производилъ глубокое впечатлѣніе на публику.

Совершен-
ши. На в-
ро смотрятъ,
а затѣмъ,
утвердителемъ
рато-рата.

Нельзя в-
нѣ не сравни-
дадали «сл-
Полоній
которымъ т-
какъ Гамл-
душу. Онь
царедворца
никнуть и
пригудлива-
нить его
содержа-
открытомъ,
иинъ «сл-

Вообще
дослѣдовані-
нальной, от-
тѣнью пок-

А между
которыхъ
вали пред-
ли, однамъ
успѣхъ. И

До онѣхъ
въ «Отелло»
ній Мавръ,
кающимъ
изъ намека
иращается
ческимъ к-
горло, брос-
нимъ ногу,

Сцена э-
вой разъ,
что вътъ-
раздѣленъ
яростъ Ма-

Но вътъ-
стилась на
него со сл-
шиты скон-
справедли-

Эта сце-
и въ треті-
глубокое в-
она положи-
ла и заст-
было оцен-
ствительн-
ческимъ э-
плой блан-

Во вѣт-
лѣхъ Саль-
уко-изи-
тѣ. «Граж-
віе»).

Появил-
обросимъ
наго банд-
зъ этой ре-
вии, благо-
голосу, пр-
отношени-
такое уча-
стью, что
эту пьесу
совсѣмъ
Боррадо.

У болы-
захъ слезы
ли, а мы
такъ и до-
столѣтніи
слова до с-
ли пить ч-

А между
сы, во все-
ми проис-
впечатлѣ-
пьесы и

Это бы-
лапга Сал-

Совершенно иначе велъ эту сцену Сальвани. На вопрос Полония, онъ насыщенно смотрѣть на него и говорить: «слова», а затмъ, послѣ паузы, нераздельно и утвердительно—«слова-слова» («parole... parole-parole»).

Нельзя не признать, что такое толкованіе несравненно тоньше, чѣмъ то, которое давали «словамъ» другіе трагики.

Полоній вѣдь полное ничтожество, предъ которымъ такъ умный и тонкій человѣкъ, какъ Гамлетъ—не могъ излизать свою душу. Онъ видѣть всквозь этого глупаго царедворца, взывшаго на себя задачу проникнуть въ глубочайшіе тайны души придурливаго принца, и не излизаетъ предъ нимъ своего отчаянія, а просто выслушиваетъ его и не хочетъ даже передавать ему содержанія книги, а ограничивается отрѣтомъ, что читаетъ написанный въ книжѣ «слова».

Вообще въ Гамлете Сальвани былъ недостаточно высокъ даже въ смыслѣ оригинальной, очень умной постановки сцены съ тѣмъ покойнаго короля.

А между тѣмъ все критики, рецензіи которыхъ мнѣ удалось просмотрѣть, отдавали предпочтеніе Россіи. Они не помышляли, однако, Сальвани имѣть колоссальный успехъ. И не мудрено.

До сихъ поръ я не могу забыть сцены въ «Отелло», когда, страдающій отъ сомнѣній Мавръ, съ голосомъ нѣжнымъ и проникающимъ въ самую душу, послѣ одного изъ намековъ Яго о неѣрности жены, превращается въ дикаго зверя, съ нечеловѣческимъ крикомъ схватываетъ негодя за горло, бросаетъ на землю и, поднявъ надъ нимъ ногу, готовъ раздавить эту гадину.

Сцена эта, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, произвела такое впечатлѣніе, что вотъ-вотъ Яго, дѣйствительно, будетъ раздавленъ мощной пятой пришедшаго въ прость Мавра.

Но вотъ Мавръ опомнился, нога не опустилась на негодя, и онъ отходитъ отъ него со словами, въ тонѣ которыхъ слышится сконфуженіе и извиненіе за несправедливость поступка.

Эта сцена, когда я видѣлъ ее во второй разъ, продолжала производить глубокое впечатлѣніе, но въ первый разъ она положительно приподняла меня съ кресла и заставила забыть, что передо мною было сценическое представление, а не дѣйствительность, готовая окончиться трагическимъ эпизодомъ—гибелью негодя подъ пятой благороднаго Мавра.

Во всѣхъ, положительно во всѣхъ роляхъ Сальвани былъ великолѣпенъ и безукоризненъ. Упоману еще о роли Коррадо, гт. «Гражданской смерти» («Morte civile»).

Ноявлялся онъ въ ней катержникомъ, обросшимъ бородой, съ вѣнчаніемъ прошаго бандита, какъ, впрочемъ, выходить изъ этой роли и всѣ другие актеры. Но Сальвани, благодаря отчасти своему чарующему голосу, произвилъ столько нѣжности въ отношеніи къ своей дочери, возбуждалъ такое участіе къ себѣ и къ своему несчастью, что я, по крайней мѣрѣ, смотрѣзъ эту пьесу вѣдь съ молодой женой, быть совсѣмъ подавленъ несчастной судьбой Коррадо.

У большинства зрителей были на глазахъ слезы. Нѣкоторые прямо-таки плакали, а мы съ женой, какъ стыдъ въ карету, такъ и доѣхали до дома, не будучи въ состояніи проговорить другъ съ другомъ ни слова до самаго приѣзда домой, пока не сѣли пить чай.

А между тѣмъ, обыкновенно, послѣ пьесы, во все времена путь къ дому, между наими происходилъ горячій обмылъ мнѣній и впечатлѣній по поводу просмотрѣнной пьесы и игры артистовъ.

Это было во время полного раззвѣта таланта Сальвани, въ первый приѣздъ его въ

Знаменитый итальянский артистъ-трагикъ
Тито Сальвани, въ роли Отелло.
(См. статью «Шекспировскіе типы»).
Рис. съ натуры С. Соловко, съ автографомъ Сальвани.

его—это значить портить впечатлѣніе, оставленное павѣкъ великимъ артистомъ.

Рѣшилъ—и не выдержалъ.

На завтра былъ назначенъ «Отелло».

Сегодня, близкій тогда къ театру, я узналъ: назначенъ генеральная репетиція.

— Дай, думаю, хоть взгляну на него и послушаю, насколько уступила времени его чарующей голосъ.

Побѣхъ въ Александрику, гдѣ, оказалось, на генеральную репетицію было строго запрещено пускать кого бы то ни было.

Съ помощью желтенькой бумаги уговорилъ, однако, капельдинера пропустить на пять минутъ не въ самый партеръ, а только въ проходъ.

Сальвани былъ уже на сценѣ... Я воѣрѣлъ ушами своимъ: тотъ же чарующей голосъ, та же грозная сила, только походка какъ будто сѣдалось нѣсколько таже-лье.

Уѣдѣлся, что Сальвани все тотъ же, илъ почти тотъ же, иду въ кассу за билетомъ на слѣдующій день. Разумѣется — ни одного.

И—въ театральную контору, гдѣ, благодаря знакомству, удалось выпросить за 10 руб., внесенныхъ на благотворительности, записку на комендантское место въ виду того, что въ тотъ же день во дворѣ былъ балъ, и комендантъ въ театрѣ, вѣроятно, будетъ отсутствовать, причемъ я обязался, однако, въ случаѣ прихода настоящаго владѣльца онаго, съ позоромъ удалиться.

Комендантъ, къ счастью, не пришелъ, и я вѣрѣлъ еще разъ великаго артиста и насладился его неподражаемой игрой, произвѣдшей огромное впечатлѣніе, несмотря на его семидесятилѣтній возрастъ.

Онъ умеръ, но воспоминаніе о немъ, конечно, не умретъ въ памяти и даже въ сердцахъ тѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ Сальвани хотя однажды.

А. Витмеръ.

Капризъ весны!

Хмурыя туки несутся надъ влажной землею,
Гонить ихъ съ сѣвера вѣтеръ суровый и буйный,
Долу склонились высокія сочныя травы,
Грустно поникли цветы по лугамъ и полянамъ...

Но не умолкли веселыя пѣвчія птицы:
Слышишь голосъ кукушки вдали за рѣкою,
Ярко и радостно иволга свищеть въ дубравѣ,
Смѣло гремитъ соловей своей пѣснию жемчужной.

Вѣрять прилетные гости зеленому Маю,—
Вѣрять, что завтра же выглядятъ солнце и мигомъ
Слезы осушить земли, все живое лаская,
Къ радостной жизни зори край привольный, родимый.

А. Семеновъ-Тянъ-Шанскій.

Наглый иѣменскій солдатъ усѣлся на куполъ зданія, где собираются представители Соединенныхъ Штатовъ. Штыкъ его упирается въ статую Свободы.

«Life».

Редакторы: Б. А. Суворинъ.

М. Н. Мазаевъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

ВЫТЯЖКА

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ

Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМЕНЯЕТСЯ: при неврастении, истерии, невралгии, старческой дряхлости, подагре, ревматизме, малокровии, артериосклерозе, туберкулезе, диабете, головных болях, безсоннице, половом бесподобии, хроническом разстройстве питания и сердечн. деятельности, общей слабости, после тяжких болезней: инфлюэнзы, сифилиса, после родов, операций, кровопотери и проч.

Г. ВРАЧАМЪ ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪМЕННАЯ ВЫТЯЖКА лаборатории Д. Калениченко для наблюдений высыпается БЕСПЛАТНО.

ОБЩИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО. Один фляконъ съмennой вытяжки в продажѣ стоит пересыпка—40 к., пересыпка свыше одного флякона—БЕСПЛАТНО. 25-го почтовый сборъ за изложенный платежъ всегда за счетъ заказчика.

Адресъ: Органотерапевт. лаборатория Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Коцковский пер. соб. д. 10, кв. 33. Иногр. адресъ: Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ:
Вытяжка из семенных желез изготавливается естественным путемъ безъ огна и химических реакций и ничего общего не имеетъ со химически изготавленными спиртами.

ЕДИНСТВЕННО УДОБНЫЕ
ДЛЯ ПОХОДА
съ отдельн. рефлекторомъ
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ.
Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ изъ ГРБТЕНИИ.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ
ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,
НЕВРАЛГИИ,
ИШИАСА,
простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефальдоль Дра Стора.
Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей.
Кефальдоль абсолютно безвреденъ.
Остерегайтесь поддѣлокъ.

Въ майскихъ номерахъ „ВѢСТИНИКА МОДЫ“ помѣщено:
НОВОЕ ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. С. СУВОРИНА —
„НОВОЕ ВРЕМЯ“. НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГАРДТЬ.

ОГНЕННАЯ КУПЕЛЬ

Историческая повѣсть.
Цѣна 1 р. 60 к.

Поступила въ продажу новая книга:

ЦАРЫГРАДЪ и ОКРЕСТНОСТИ.

Историко-художественное описание А. Барта.

248 стр. съ 58 рисунками и чертежами, въ художественной обложкѣ.

Перевѣль Н. М. Лаговъ.

Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ.

Петроградъ.
Издание Т-ва А. С. Суворина—
„Новое Время“. 1915.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени» (Петроградъ, Москва, Харьковъ, Саратовъ и др.) и въ книжныхъ шкалахъ желѣзодор. станцій.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Панорама Царыграда.—II. Царыградъ вълиѧніи.—III. Изъ прошлаго.—VI. Сопоруженіе Св. Софіи.—V. Св. Софія въ наши дни.—VI. Другіе храмы.—VII. Развалины дворцовъ и водопроводы.—VIII. Городскія стены и монументы.—IX. Въ древнемъ Царыградѣ.—X. Мечети турецкой постройки.—XI. Серай.—XII. Новые дворцы, базары, фонтаны и пр.—XIII. Кладбища.—XIV. Окрестности.

СЪДЫ

Если Вы желаете восстановить Ваши волосы въ прежний натуральный цветъ, я могу выслать Вамъ удивительный пропаратель, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвращитъ имъ натуральный цветъ.—Этотъ удивительный пропаратель одобренъ сотнями лицъ, которымъ имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описание предлагаемаго средства.

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! не присыпайте ни денегъ, ни марокъ!

Сообщите въ открытъ письмѣ Вашу фамилию и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО,
МОСКВА. Отд. 109н.

Волосы

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина
«Новое Время»

ПРОДАЮТСЯ РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ

ШЕКСПІРЪ

ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ

СЪ РИСУНКАМИ

ДЖЕМСА Д. ЛИНТОНА

Цѣна 10 руб.

НОВАЯ КНИГА

ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ:

„ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНІ“

(ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАЗСКАЗЫ).

Продается въ магазинахъ «Новое Время»

Цѣна 1 рубль.

ВЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНИИ НУЖДАЕТСЯ КАЖДЫЙ

владѣлецъ торгового предприятия. Торговая дѣятельность превратилась въ сложную науку, требующую отъ своихъ представителей серьезныхъ знаний.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, желающий поступить на службу въ какую либо контору, банку, крупный магазинъ и т. п., долженъ предварительно пройти курсъ коммерческихъ наукъ. Лица, находящіяся на должностяхъ, могутъ значительно улучшить свое материальное положеніе, если по-читать свой досугъ на изученіе коммерческихъ наукъ. Озна- ЗАЧІСТОГО ОБУЧЕНИЯ БУХГАЛТЕРІИ,

коммерческой арифметики, коммерческой корреспонденціи, товаровѣдѣнія, техники веденія торговъхъ и промышленныхъ предпринятій и многое другое, необходимо каждому коммерсанту при помощи изданий нашего „АКАДЕМІИ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНИЙ“.

Краткій проспектъ бесплатн. Подробный за 15 коп.
Т-во «БЛАГО», Петроградъ, Николаевская, 44—73.

НОВАЯ КНИГА
САДЫ-ГОРОДА
и жилищный вопросъ
въ Англіи.

П. Г. МИЖУЕВА.

Красивое изданіе. Болѣе 150 гис. (8 цветныхъ), плановъ и чертежей. Цена въ количествѣ пересыпки 5 р. 50 к. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія — книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“, Невскій, 40.

Въ книжныхъ магазинахъ «Благо Время»

А. К. ГРИНЬ

ПОКИНУТАЯ ГОСТИНИЦА

Романъ. Цѣна 75 коп.

„ЛѢТОПІСЬ ВОЙНЫ 1914-15-16 ГГ.“

Ежесѣдльный иллюстрированный художественный журналъ

На театръ войны имѣются собственные корреспонденты.

Каждый номеръ не менѣе 16 страницъ большого формата, богато снабжается рисунками, картинами, портретами, планами, картами и рисунками извѣстныхъ художниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫПКОЙ:

на 1916 годъ: 8 серія (апрѣль — іюн.) | Каждая по 4 рубля
9 " (июль—сентябрь) |

За 1914 и 1915 года и за янв.—мартъ 1916 г. журналъ выписывается по цѣнамъ:

съ 1-й по 7-ю серію (84 номера)—20 руб. съ пересылкой.

Отдельно по серіямъ (за 3 мѣсяца каждая—12 номеровъ) по 3 рубля пересылка по стоимости.

Однѣльный № 30 коп. съ пересылкой 40 коп.

Петроградъ, Надеждинская ул., 19. Телефонъ 427-85.

Редакторъ-издатель генераль-маоръ Дубенскій.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14434

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 14 (27) МАЯ 1916 ГОДА.

№ 14434

ФОРТЬ У ТРАПЕЗУНДА.—Изъ мечети вынесли захваченные два турецкихъ старинныхъ знамени.

Рисун. А. Примеца (участника войны).

Женатъ онъ былъ на Тулубьевой и я ихъ. Но на охотуѣдти не могла. Вставала она въ 5 часовъ утра и шла Угрюмые стѣны такъ тѣсны, какъ стѣны имѣть одну дочь 11 лѣтъ. Этъ былъ че-нездорова, кашель и кровь горючъ по-съ ниней въ Кремлевской Успенской соборъ. могилы, ловѣкъ типа сороковыхъ годовъ. Баринъ казыается». Холодный весенний воздухъ живиль и тяжестю каменной па сердце давить: въ душѣ, образованный и образцовый. За ней ходили, берегли ее, а въ осо-бодрилъ ее. Утреннее освѣщеніе дремав- «Молчи». И какъ сейчасъ вижу его: бензоти Дмитрий Алексѣевичъ тревозни-шаго Кремля и благовѣсть соборъ сквозь душный туманъ ни восторга, ни ра-плотинъ, блокчный, широкоплечий, ро-ся о ней, самъѣзды въ Орѣль за умилилъ ее. дностной силы стомъ выше среднаго; его лицо выражало докторомъ, по часамъ давалъ ей капли и Она молилась, стоя на колѣньяхъ въ Къ земль не доносить горячаго солнца до доброты съ отѣкомъ юара, свой соорудилъ съ ней, когда она хотѣла ка-углу темнаго собора, вилкала въ слова ственаго его характеру. таться на ледяной горѣ. молитвъ, повторила ихъ со слезами на Не слышны и съ дальнихъ полей неумозч- Жена его, Дарья Александровна, ко- Отецъ Тани настаивалъ, чтобы она глазахъ, кладя земные поклоны. ные зовы, торую звали Долли, была высокая, ху- вернулась домой лечиться, и дядя Ле- — Господи, прости меня, я разлучни- Что сердцу, бывало, цвѣтущая слала да, изящная, не любившая ни деревни, вочки и Соня въ январѣ увезли ее въ ца (она слышала, какъ однажды папа землю: ни хозяйства, очень болѣзненная, для Москву. Въ Москву были приглашены говорила это слово девушки, и она тогда Напоены кровью, изрыты, упрумы, суровы, которой Д..ы на зиму частоѣзжали за поправлялась, по прежнему тосковала и мнѣ, —молилась она. лучшие врачи, которые нашли у нея на-же подумала о себѣ). Прости меня, дай Могилой лежать и родныхъ поля. чадо чахотки. Ее лечили, но она не мѣ, Господи, забвенія, скажись надо границу.

вѣра Рудить.

Оригиналъ Наташи Ростовой въ романѣ „Война и Миръ“.*

Окончаніе.

IX.

За нѣсколько верстъ отъ Никольскаго находилось большое имѣніе Черемошнія Дмитрій Алексѣевичъ Д., крупного ново-сильского помѣщика, прекраснаго человѣка, котораго мы все очень любимъ. Онь еще въ Казани былъ знакомъ съ семьею Толстыхъ и особенно былъ дру-

гъ про-ной души. Она стала поститься и про-ренія передъ иконой Божіей неѣхала, и они слышать не хотѣли объ опасности*. отѣздѣ Тани, которую баловали, какъ малаго ребенка.

Безразлично было для Тани, тѣхъ про-ной души. Она стала поститься и про-ренія передъ иконой Божіей вѣсти зиму; она любила деревню и къ силѣ мати позволить ей говѣть. Въ «Вой-охватывало ее, когда она, въ этотъ че-

тому же всей душой привлазалась къ нѣ и Миръ» подробно описано ея го-призычный часть утра, глядя на черный літій Божіей Матери, освѣщенный и свѣ-шими. Но молодой организмъ ея сильно вѣнѣ. Она ѿцимо худѣла, и ей Мать, измученная ея горемъ, и думая, чами, горѣвшими передъ нимъ, и свѣтомъ пошатнулся. Она ѿцимо худѣла, и ей Мать, измученная ея горемъ, и думая, чами, горѣвшими передъ нимъ, и свѣтомъ сухой кашель винчаль серъянъ она-что молитва принесетъ ей пользу,—позво-утра, падавшими изъ окна, слушала лила ей говѣть.

Она писала своему другу: «Мѣ здесь Таня гомѣла съ пиней Вѣрої Иванов-разаилась слѣдить, понимая ихъ...». очень хорошо. Они ужасно малы люди ной, давно уже жившій въ ихъ домѣ. Молитвы, которыми она больше всего и меня очень балуютъ и любятъ, какъ и Она не пропускала ни одной службы. отдавалась, были молитвы расказнія.

* См. №№ 14400, 14413 и 14427 «Нов. Вр.».

Сестра милосердия Ел. Ив. Сазонович. Работала на фронте в течение 18-ти месяцев. Награждена Георгиевской медалью 4 ст. за работы под непрятельским огнем.

Бывшая уполномоченная Туркменского отряда Красного Креста, Елена Бронислав. Мавилло. Нагр. двумя Георгиевскими медалями и Георгиевским крестом 4 сего.

Дядя Левочка этот пост проводил в Москву, и вся душевная в зимнее время. И я до сих пор удивлялась, как ты могла находить в ней пейзажи и ей гравюры.

Мать была права. Гравюры принесли ей пользу. Как будто бремя свалилось съ ствѣмъ».

Дмитрий Алексеевич Д. писал Таню:

«Милая Таня, стыдно взять думать, что я понимала, какая сложная внутренняя работа происходила въ душѣ ея, и какъ она постепенно возвращалась къ жизни.

Въ «Войнѣ и Мирѣ» сказано: «Когда впрочемъ намъ нужно доказательство въ томъ, то черкните два слова, и поже- первый разъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ, лайте видѣть вѣсну въ Черемошѣ, и не почувствовала себя спокойствіе и не та-

готвящуюся жизнью, которая ей предстояла».

Таня писала Поливанову: «Меня воз- лечатъ 3 доктора. Мнѣ не могутъ помочь облатки, капли и пр. Господи, какъ не

Сестра милосердия Симферопольской об- щины Красного Креста Нат. Стѣф. Фе- дорова. Нагр. Георгиевской мед. 4 ст.

понять этого. Понимаетъ одинъ только Левочка. Погода дурная, на душѣ камень. Я гоняла на той недѣль. Мама, спасибо ей, позволила. Нина будила меня въ 5 часовъ утра, и мы съ ней шли въ Успенский соборъ. Ахъ, какъ хорошо было. Полутемно, жутко, сѣжко, и этотъ чудный благоуханіе. И мы съ наней все службы стояли, только стыдно, что видѣли, какъ я плачу. А Лиза все дразнила меня:

«— Таня плакала стала».

«Вы спрашиваете про пѣнѣ? Пою ли? Все забросила, но на дыхѣ, въ день причастья, мама все просила спѣть что-нибудь. И я попробовала. И начала пѣть: «Горны вѣршины», и папа изъ кабинета вышелъ, чтобы слушать, и говорить: «Таня a des larmes dans sa voix!», а я это слышала и мнѣ хорошо было. Но тутъ вѣбѣжалъ Петя и во все горло закричалъ: «Машка окотилась!» (знаете висулю нашей Трофимовны?), а я тѣкъ испугалась, что зарѣдала, и мама напугалась, а сама я закричала Петю: «дуракъ» и вспомнила, что причащалась.

«Левочка все говорить мнѣ: «Ходи въ струпъ, будь прежней Таней». Да я не могу, мнѣ надо забыть то, что недавно такъ было. Вѣдь быть неѣстой годъ, быть любимой, самой пережить все и отказатьсь отъ счастья. А какъ Дмитрий Алексеевич осуждалъ его, мнѣ было слушать. Опять и мнѣ говорить и Левочкѣ, который молча слушалъ его.

«Ну, больше обѣ этомъ ни слова. Мама и Лиза тѣдѣть въ концертъ, я отказалась. Я буду сидѣть у нани и читать ей вслухъ «Рославлева». Она это очень любить...».

X.

Пришла весна. Таню потянуло въ деревню. Она получила отъ Дарьи Александровны письмо, гдѣ вся семья усиленно звала ее прѣѣхать. Она писала ей:

«Милая наша, нашъ райскій колибри,

прѣѣзжай къ намъ. Ты была наша от- рада, наше утѣшеніе, и безъ тебя уныло и скучно.

Только твоей милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

Только твой милой, молодой бѣла.

въ дому было унынѣ.

СЕМЬЯ ГЕОРГИЕВСКИХЪ КАВАЛЕРОВЪ АРТИЛЕРИСТОВЪ,—ОТЕЦЪ И ТРИ СЫНА.

Ген.-лейт. въ отставкѣ Вл. Георг. Конради-Кондрашовъ за русско-японскую войну награжденъ орд. св. Владимира 3 ст. съ мечами, чиномъ генерала и Георгиевскимъ оружіемъ. Слѣва стоять старший сынъ Александръ, награжденъ орденомъ Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ и орденомъ св. Георгія 4 ст. Чинъ капитана получилъ за прорывъ изъ германского пленя. Пробылъ въ тылу непрѣятеля 14 дней. Справа средний сынъ Григорій, шт.-кап., награжденъ орденомъ св. Владимира 4 ст. съ меч. и бант. и Георгиевскимъ оружіемъ. Былъ раненъ, возвратился въ строй. Позади стоять младший сынъ Сергій, поручикъ, награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Убитъ

Французский летчикъ Шемз, бомбардировавший Софию. Пролетѣлъ свыше 500 километровъ надъ вражеской территоріей.

Разъезд

Казачий разъезд охраняет взморье.

чаль. «Не было недостатка въ рѣз- Кавалергарды спрашивали у Барятинскихъ словахъ,—говорилъ впослѣдствіи го, что имъ дѣлать? Гринвальдъ,—и при всемъ томъ — Ахъ, Александръ Ивановичъ, съ ка- же требовалось самое пунктуаль- кимъ бы удовольствіемъ и по своему по- ное исполненіе. Разсужденіе не позволялось, здравить бы этого Нѣмца,—проговорилъ что и не случалось». Разумѣется, офицер-поручикъ Кротковъ, одинъ изъ образован- ры во всемъ винили, и не безъ основанія, членъ которыхъ офицеровъ-кавалергардовъ, по своего Нѣмца-командира, ради своей карь- перенесившій имени Гринвальда. ры подводившаго весь полкъ. Служба сѣ- — А вотъ что, господа,—вдругъ за- лась для нихъ ежеминутной пыткой, явилъ кнзъ Барятинскій.—Мы можемъ стали вспоминать даже о временахъ импе- поздравить его вдвойнѣ. Я вотъ что приду- ратора Павла. малъ. Мы просто похоронимъ его въ этотъ

Въ кружѣ кнз. Барятинскаго много го-день. ворили о дѣяніяхъ Гринвальда... Наступа- И Барятинскій изложилъ друзьямъ свой ла весна, Кавалергардскій полкъ перешелъ изъ похоронъ Гринвальда въ день его на лагерную стоянку въ Новую Деревню, рожденія. Молодые, подвыпившіе офицеры гдѣ расположились и офицеры по крестьян- закричали «ура» и рѣшили привести скими избамъ. И вдругъ офицеры полу- этиѣ исполненіе.

ли приглашеніе отъ своего командира по- жаловать къ нему обѣдать въ день его

рождениі, 12 мая. Дача его находилась на берегу Большой Невки, какъ разъ противъ товъніяхъ, сдѣланыхъ кнз. Барятин-Новой Деревни. Иди къ нему никто не скымъ для осуществленія его дерзкой ша- хотѣтель, да какъ не пойти къ командири? лости. Конечно, молодые люди не могли не Они не терпѣли его и какъ человѣка. «Моя сознавать, что возмездіе могло постигнуть наружность,—разсказывала самъ Гринвальдъ ужасное въ видѣ заключенія въ крѣ- вальдъ въ своей автобиографіи,—была все- посты и сдачи въ солдаты безъ выслуги, гда серьезна и чопорна; съ офицерами и Огромныя средства и сильныя связи кнз. обходился безъ дружественныхъ и любез- Барятинскаго давали, однако, надежду ныхъ словъ; отношенія мои къ этимъ гос- участникамъ предпріятия повести дѣло письмъ были бы прекрасными, если бы я такъ, что о нихъ лично узнать будетъ умѣть быть любезнымъ». Ну, вы сами невозможныи. Рѣшено было заготовить понимаете, конечно, что это значитъ, когда похоронную процесію съ гробомъ и факе- самъ Нѣмецъ говоритъ, что онъ не умѣль лами въ траурныхъ лодкахъ на Аптекар- бытъ любезнымъ и держалъ себя чопорно, скомъ острѣвъ, а экипажи для офицеровъ

Подпоручикъ Дм. Найдородовъ.
Награды: орденомъ св. Георгія 4 ст. за то, что при форсированіи рѣки Пиницы, въ ночь съ 9-го на 10-е декабря 1914 года, подъ силь- нымъ и действительнымъ огнемъ непріятеля, организовалъ переправу юнкеровъ рѣгъ пѣхоты изъ pontoonовъ и, кроме того, ис- правилъ подъ огнемъ испорчен- ный мостъ. Постъ обратной переправы отходившей пѣхоты, въ ночь съ 11-го на 12-е декабря, занялъ подъ огнемъ противника мостъ, по которому отошла пѣ- хота, и темъ остановилъ даль- нѣшее движение противника.

на Крестовскомъ, откуда они могли, какъ

ни въ чёмъ не бывало, явиться къ Гринвальду съ официальными поздравленіями. И вотъ, 12 мая въ пятомъ часу дни дача кавалергардскаго командира начали наполняться гостями. На томъ именно мѣстѣ находится теперь изысканный ресторанъ Фелисьена. Выжидая обѣднаго часа, Гринвальдъ прогуливался съ гостями въ цѣлѣніе, на берегу Большой Невки. И, вдругъ, они увидѣли движавшіяся отъ Страганова моста дѣй лодки, обитыя траурной матеріей, съ горящими факелами, обвязанными флеромъ, и въ передней лодкѣ гробъ, настопій дубовый гробъ, покрытый парчою; на второй лодкѣ, наполненной людьми, музыка играла похоронный маршъ. Разобрать, кто сидѣлъ въ лодкахъ было трудно, потому что они держались праваго берега Большой Невки, очевидно, направляясь къ Старо-Деревенскому кладбищу. Гринвальдъ и его гости были страшно заинтересованы этой процесіей, и немедленно гишка коман- дира была послана узнать, какого именно знатного покойника везутъ этиѣ необычайные водными путемъ. Но вотъ процесія повернула къ Крестовскому мосту—новый поводъ къ удивленію, а между тѣмъ гишка съ дежурнымъ денщикомъ генерала, обмѣнившись пѣсколькими словами съ рулевымъ, уже сѣѣшь обратно къ дачной пристани.

Ген.-м. А. С. Радовскій.
Нагр. орденомъ св. Георгія 4 ст. и
Георгіевскимъ оружиемъ.

Рыбная ловля послѣ артиллерійскаго обстрѣла.

пившаго кабачковъ будничкамъ всемъ и до- добрались въ розъ, и до мирно прогу- ѿ должно

Но въ въ- тинская, и заурядны тораго у- ко, какъ зицунъ не- ленъ « въ такомъ шефомъ ко- ца, могъ сл- ныхъ тол- гвардіи. Ка- торъ Нико- но и онъ нымъ пред-

предать въ- кобъ и др- ли на- полка съ- него че- кнзъ Г- дѣлъ а- ть. Грин- чнѣ чопор- офицерамъ

шивающего книжеския деньги въ одномъ изъ кабачковъ Зелениной улицы. Схваченный будочниками, онъ тотчасъ сознался во всемъ и даль показанія, по которымъ добрались и до казалергардскихъ офицеровъ, и до самого князя Барятинскаго, мирно проживавшаго при своемъ полку въ Гатчинѣ. Гринвальдъ громко воспѣлъ о должномъ возмездіи.

Но въ глазахъ двора князиня Барятинская, урожденная графиня Келлеръ, и заурядный служака Гринвальда, котораго убратъ было такъ же легко, какъ и возвысить, были двѣ величайшия несоизмѣримыя. Притого, маленький «бунтъ» на пѣмецкой подпочѣ въ такомъ полку, какъ Кавалергардскій, шефомъ котораго была сама императрица, могъ служить предметомъ нежелательныхъ толковъ въ другихъ полкахъ гвардіи. Какъ ни быть супоръ императоръ Николай въ подобныхъ случаяхъ, но и онъ остановился передъ единственнымъ представлявшимъ ему исходомъ—

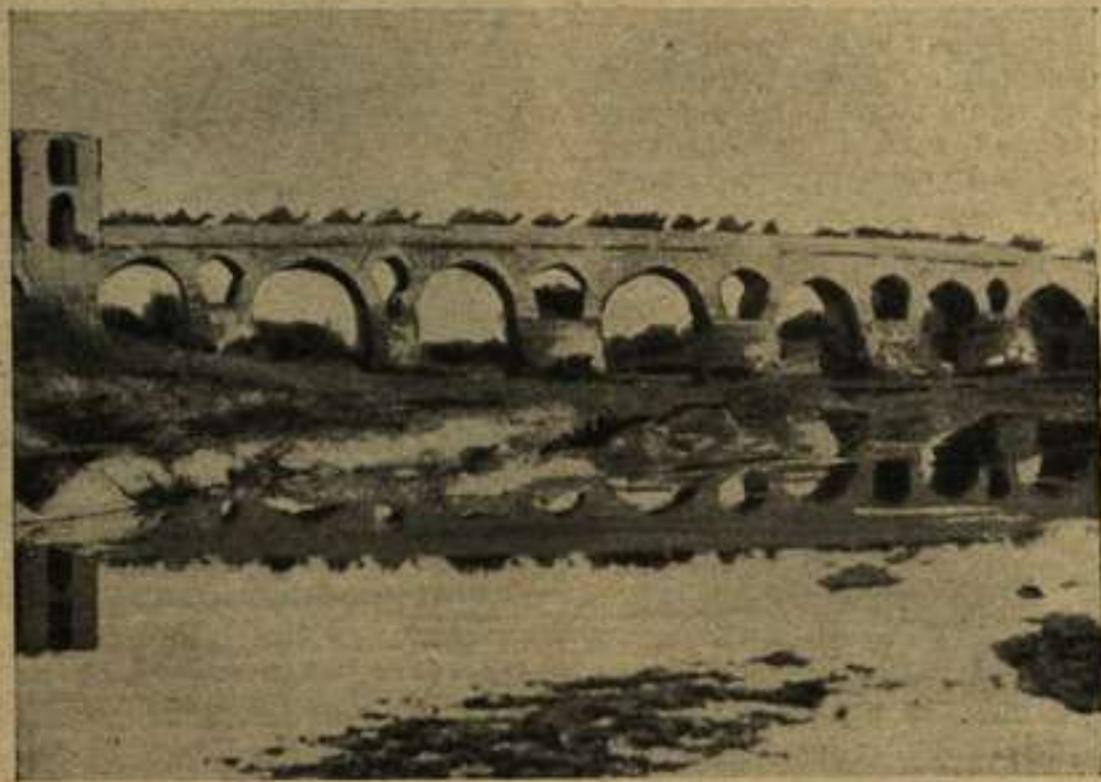
ПО ПУТИ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ АЗІИ.

Древняя персидская столица Исфагань.—Большая мечеть.

воспоминаний, очерковъ, статей и «материаловъ».

Теперь приходится скорѣе бояться обратной крайности: нѣкотораго «пересола» въ отношеніи Чехова, который уже весьма изрядно и чувствуетъ. Переодались съ письмами Чехова, очень легкими по стилю и внутренне свободными (немалый достоинства!), но все же слишкомъ незначительными, «провинциальными», по содержанию,— тогда какъ поклонники готовы разливать ихъ съ письмами Пушкина и возводить въ иѣзъ «перель» антистоллярной литературы. Тѣми же пересолами страдаютъ и критический «оцѣнки» Чехова (а еще болѣе дружеская «воспоминанія»), весьма въ этомъ смыслѣ характерны для современной литературы. Вообще, приглядываясь ко всему этому не пропорциональному увлечению, приходишь къ странному выводу: начинаешь подозревать, что для нашихъ «чеховцевъ» просто не существуетъ прежняя до-чеховская литература въ ея истинномъ

Окрестности Исфагани.—Караванъ на мосту.

Окрестности Исфагани.—Чертово ущелье.

предать виновныхъ военному суду. Кро- слѣдующему году его зачислили въ свиту. да Лермонтова, въ составленіи имъ ковъ и другіе офицеры за «шалость» бы- Гринвальдъ пробылъ еще нѣсколько на Гринвальда сатирическомъ стихотво- ли на время откомандированы отъ лѣта командиромъ полка, повторяя на реніи «Ужасный сонъ», вложилъ ему въ полка съ правомъ поступити въ парадахъ любимую свою фразу: него черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а «Unser Front ist ruhig, discipliniert und кнізь Барятинский отдался не gehorsam» («Наша войсковая часть дѣлъ ареста на военной гауптвах- спокойна, дисциплинирована и по- тѣ. Гринвальду винено было быть ме- слушна»).

тие чопорнымъ и болѣе любезнымъ съ Офицеръ Кавалергардскаго полка этого офицера, а за усердную службу въ времязи, Н. С. Мартыновъ, будущій убий-

ца Лермонтова, въ составленіи имъ

«Что жизнь на свѣтѣ?—думалъ онъ:— Бѣда на кордѣ, безъ стремень, На необузданной фортунаѣ.. Отъ утра бѣстя до утра, Сегодня то же, что вчера, Вчера—что было накапунѣ!.. Тягаться трудно намъ съ судьбой: На пей, какъ крѣпко ни сиди— Два, три козла—того гляди, Что полетиши внизъ головой! А страсти, грезы, заблужденья! Аллюръ безъ темпа и разиены! Ничто такъ въ свѣтѣ не похоже: Бѣда и жизнь—одно и то же...»

Е. Шумигорскій.

ПРАЗДНИКЪ ЛАНДЫШЕЙ.

1-е мая въ ПАРИЖѢ. Продажа ландышей, приносящихъ, по народному повѣрю, счастье.

Подполк. Д. В. Смирновъ.
Награжденъ Георгиевскимъ оружиемъ.

Литературные заметки.

Книжка о Чеховѣ *.

Быстро меняются времена!.. Какъ еще недавно приходилось доказывать и убѣждать, что Чеховъ — значительный писатель, чѣмъ его имя можетъ стоять рядомъ съ именами нашихъ прежнихъ большихъ писателей (какъ мнѣ приводилось еще въ 1901 году, т. е. всего 15 лѣтъ назадъ),— и вотъ онъ уже болѣе, нежели «признанъ», уже увѣличаетъ лаврами «послѣднаго русскаго классика» (стр. 9), и ему посвящена цѣлая маленькая литература

* Юрий Соболевъ, «Антонъ Чеховъ». Изданныя страницы. М. 1916. Стр. 150. Ц. 1 р. 25 коп.

значеніи, что они не «вмѣстили» ни Достоевскаго, ни Толстого, ни Тургенева, ни Пушкина, ни Гоголя въ ихъ по-длинномъ объемѣ, что русская литература для нихъ, говоря настоящее слово, начинается съ Чехова. Недаромъ даже ссылки на «первыхъ» классиковъ и какая-либо тѣль ихъ вѣтви такъ упорно отсутствуютъ въ работахъ почитателей «послѣднаго» классика.

Въ Чеховѣ дѣйствительно есть что-то новаторское—какъ по художественнымъ приемамъ, такъ и по психологическому содержанию. Онъ ясно, какъ первый «интеллигентской», демократической Рос-

Действ. ст. сов. Э. Б. Войновский-Кригеръ, назначенный товар. министра путей сообщения.

сін, уже забывшей свой дореформенный чоловинский строй. Въ этомъ смыслѣ мнѣніе съ Чехова нужно будеть напоминать нѣкоторую особую страницу или даже главу изъ истории русской литературы. Поэтому довольно понятно, что находятся цѣлье общественные слои, для которыхъ все, что было до Чехова, «не свое» или не совсѣмъ свое, и только начиная съ него, они встречаются съ несомнѣнно «своимъ». Нужно только прибавить, что эти ведущіе своей калибръ съ прошлой недѣли суть до извѣстной степени «непомнищіе родства».

Книжка г. Соболева тоже страдаетъ этимъ преувеличительнымъ «чехизмомъ». Онь считаетъ нужнымъ перепечатать въ своей брошюре цѣлый рядъ незначительныхъ театральныхъ рецензій Чехова 80 годовъ и разныхъ якобы «юмористическихъ» пустяковъ, которыми грызшилъ (болѣе по нуждѣ) юный писатель. Казалось бы, весь этотъ материалъ былъ уже основательно использованъ въ «дополнительныхъ» 12 книжкахъ марковского изданія (и тогда же вызвалъ спрашивавшую досаду). Но г. Соболевъ ухитрется выудить еще нѣсколько страницъ такихъ «острословій». «Приближенный позрѣній Н. Н. Мошенникова. Ведеть дѣла. На случай обвинительного приговора предлагается залогъ». Въ сущности такія вотъ «смѣшныя» объявленія подеказываются какъ-то неожиданіе, что Чеховъ, пожалуй, и не совсѣмъ «классикъ»... У молодого Тургенева, положимъ, тоже немало недостойныхъ его имени мелочей. Но все-таки это «то же, да не то». Тамъ самый калибръ, самый *arriére goût* (позвольте такъ сказать) иной. Тамъ пахнетъ юной увлеченностью чужими образцами, всѣми вѣяніями тогдашнаго прекраснодушнаго русскаго романтизма, но этъ никакой обычательницы... Это какъ мебель краснаго дерева, можетъ быть неудачно отѣланныя,—и какъ багетовая рама на преміи-олеографіи тѣхъ же нашихъ 80 годовъ.

Но, помимо «медѣжихъ услугъ», у г. Соболева есть и книжки и интересныя вещи. Онь подобралъ любопытныи букетъ рецензентскихъ отзывовъ о самыхъ ранніхъ произведеніяхъ Чехова (преимущественно обѣ «Ивановъ»). Тутъ есть и пресловутая рецензія несчастнаго Скабичевскаго, который, не предвидя, на кого наткнулся, довольно добродушно предостерегаетъ молодого человѣка отъ бездны мелкой газетной работы. Онь страшаетъ его даже перспективой возможной смерти «подъ заборомъ», когда тотъ со временемъ обратится «въ выжатый лимонъ». Этого пророчества Чеховъ, какъ известно, не могъ забыть всю жизнь.

Среди отзывовъ рѣзко выдѣляется г-жи Арбровой «моделью послужила» изъ весьма благосклонной рецензіи А. С. Сувориной обѣ «Ивановъ», переходящая въ никъ падшей, но, глубокомысленно замѣтную, ярко похвальную характеристику чаетъ г-жа Колтуновская,—«для слѣдующаго автора. Такъ, съ такимъ увлечениемъ, интеллигентной Тимань дневникъ письмъ и симпатіей, тогда и приблизительный былъ насущной потребностью, необходимо не говорить о Чеховѣ никто другой мышь прибѣжишемъ среди ѡмута. А у проститутки Оля самъ фактъ существованія дневника—большая натяжка со стороны автора». Между тѣмъ оказывается, что Оля Петрова не только никогда не была проституткой, но что въ смыслѣ «поведенія» она является одною изъ самыхъ добродѣтельныхъ фигуръ, какія когда-либо изображались въ произведеніяхъ русскихъ писателей. Въ этомъ отношеніи съ нею не можетъ идти въ сравненіе даже Карамзинская «бѣдная Лиза», невинность которой Эрастъ воспользовался въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда «сракъ вечера пыталь желанія, и никакой луть не могъ освѣтить заблужденія». Оля Петрова—простая бѣлошвейка, и у нея есть также свой «Эрастъ»—студентъ Борисъ Николаевичъ. Но Оля, хотя и неравнодушна къ нему, однако заносить въ свой дневникъ такое благородное разсужденіе:

Честная, порядочная женщина не должна цѣловаться (!!) съ чужими человѣкомъ. Разъ онъ не можетъ на ней жить, потому что онъ образованный и богатый, а она бѣдная, простая мастерица,—то пусть они разойдутся.

Правда, ея поклонникъ, послѣ долгихъ ухаживаний, добивается, въ концѣ концовъ, того, чего хотѣлъ, предварительно подчинивъ молодую девушки виномъ; однако она не только не примиряется съ этимъ, но записываетъ въ дневникъ: «Теперь кончилось все, что было хорошее, милое между нимъ и мною». — «Я его даже почти разлюбила»,—прибавляется сна дальше. Весь романъ ея продолжался ровнымъ счетомъ десять дней, съ 6 по 16 июля, когда она изъ оставленнаго Борисомъ на письменномъ столѣ письма къ приятелю узнала, что ему съ нею уже скучно; а на слѣдующій день она сравнительно въ довольно спокойномъ тонѣ разсуждаетъ, что «это была не настоящая любовь», и что хорошо, что это кончили.

* Т. Арброва. Записки Оли Петровой. Петроградъ. 1916 г. Стр. 262. Ц. 1 р. 50 к. лось. Случайное «паденіе» не только не

Врачъ Л. А. Мальмбергъ, умеръ на театръ военныхъ дѣйствій.

Игуменъ Иоасафъ, намѣстникъ Троице-Сергиевой пустыни.

Возведенъ въ санъ игумена къ сорока-летнему юбилею управления братскими хоромъ.

Заслуженный проф. Императорской Военно-Медицинской Академіи
Александръ Павловичъ Даниль.
Къ 85-лѣтію научно-преподавательской дѣятельности.

Эскизная поэзія*.

«Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ»,—говорить еще Лермонтовъ, но теперь тѣль

* Н. Гумилевъ. Колчанъ. Стихи. Изд. «Гиперборей». Петроградъ. 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Георгий Ивановъ. Верескъ. 2-я книга стиховъ. Издание «Альциона». Москва—Петроградъ. 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

ВЪ МАЛОЙ АЗИИ.—Ущелье рѣки. Правыи высоты были сильно укреплены, переходъ черезъ ущелье и рѣку происходилъ подъ жестокимъ огнемъ Турокъ.

Рисун. А. Пржевальского (участника войны).

не только этихъ поэмъ, а пѣть и вообще, или по крайней мѣрѣ ихъ очень мало, ночь:

«Полночь сошла, вепроглядная темень,
Только рѣка отъ луны блестить,
А за рѣкой неизвѣстное пламя,
Зажигая костры, шумитъ».

Никакой яркости,—одинъ только слово... А вотъ еще «Средневѣковье»:

«Прошелъ патруль, стуза мечами,
Дурной монахъ прокрался къ милой,
Надъ островехими домами
Невѣдомое опочило...»

Тутъ и патруль, и грѣшный монахъ, и готическая крыши, и «невѣдомое»,—словомъ, вся средневѣковая бугафория, а духа какъ и на новыхъ выставкахъ, мы сталкиваемся съ этой постоянной ассоциацией, а не отсутствиемъ чего-либо крупного, съ

боязью почти всякой мысли, чувства, яркаго чистоты слова,—только блѣдная, самая блѣдная акварель.

Вотъ сборникъ еще молодого поэта Н. Гумилева «Болчанъ». Болчанъ объ этихъ страннѣхъ названіяхъ. И разсказы, и стихи, разъ они заключены въ одну книгу, теперь принято, во что бы то ни стало, типулировать. Но называниемъ клини забирается какое угодно слово, почему либо напразнѣшееся автору, безъ всякаго соотвѣтствія съ содержаніемъ. Н. Гумилевъ называлъ свой сборникъ «Болчанъ», а другой поэтъ, Георгий Ивановъ, называлъ книгу «Верескъ». Безъ всякаго ущерба можно было бы переставить название или замѣнить ихъ какими угодно другими, первыми попавшимися, словами. Къ содержанію, къ физиономіи автора избранные типы никакаго отношенія не имѣютъ.

Н. Гумилевъ пользуется въ современной поэзіи репутацией поэта-путешественника. И онъ, действительно, кажется, много путешествовалъ, такъ какъ пѣвьетъ стихотворенія по мѣстечкамъ «Восточной Африкой», или другими не менѣе экзотическими зонами. Онъ несомнѣнно видѣлъ и любить Италию, грезитъ «розами Лезанта» и часто вспоминаетъ себѣ южнаго полушарія. Но какъ лезгинчики, какъ тухлы и суки эти восломничали! Какая блѣдность разбазенныхъ красокъ!

«Городъ, какъ голось наяды,
Въ прозрачно-свѣтломъ быломъ,
Кружевъ узорѣй аркады,
Воды застыли стекломъ...»

Мало интересны и военные наброски г. Гумилева, хотя онъ лично былъ на фронтѣ въ одному изъ кавалерийскихъ полковъ:

«Какъ собака на цѣпи тяжелой,
Тякаетъ за лѣсомъ пулеметъ,
И жужжатъ шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный медъ...»

Безизменно, блѣдно, точно зѣдумако въ кабинетѣ... Знаешь, что поэтъ былъ на войнѣ, а изъ стихотворенія не видно, какъ не видно и того, что онъ много путешествовалъ, а не просто писать по учебнику географіи.

Сочинѣнія г. Георгія Иванова въ его таинѣ видятся: весенний холодъ и сѣтія изборникъ «Верескъ». Здѣсь поиздаются ночь, и открыта эстрада въ одному изъ порою миниатюры, дающія дѣйствительное увеселительныхъ садовъ невской столицы, звѣзды, настроение автора. Правда, это и за сценѣ она—жалкая, дрожащи отъ холода, прощающаяся съ публикой «актерка». Такъ и называется стихотвореніе «Актерка».

Это вообще у г. Иванова циклъ удающихся ему эскизовъ: жанровыя картины изъ быта бродячъ-комедіантъ,—тутъ много болѣе или менѣе мѣткіхъ строкъ, умѣстно брошенныхъ слогачекъ.

Я кричалъ вѣчеромъ на эстрадѣ:
Пьеро двойникъ.
А послѣ, ночью, въ растрепанной трактири

Веду дневникъ.
Записываю, кѣмъ мнѣ подарокъ обѣщай,

Обѣщанъ только,
Сколько получиль я за день затрещинъ
И улыбочъ сколько,
Что было на ужинѣ: горохъ, карто-

фель,—
Все щѣмъ, что ли дашъ!
...А иногда и Пьереты профиль
Чертить карандашъ».

Но какая, все-таки, отрывочная поэзія птицовыхъ и маленькихъ эскизовъ. Миниатюрные «акарельки», которыхъ обыкновенно помѣщаются въ полуутыкѣ, въ заднихъ комнатахъ выставки и осматриваются только зазятными любителями. А что въ большомъ первомъ залѣ?...

Риторъ.

— Это, мой мальчикъ, гиппопотамъ. Онъ можетъ оставаться подъ водою сколько угодно.

— А гдѣ-же у него перископъ?

ЛНР.

На побывку съ войны.

Запорошель путь давненько,
Въ стороны, не на-бѣгу,
Небольшая деревенька
Утонула вся въ снѣгу.
Вѣсти съ ней бываютъ рѣдки,
Упадая вглубь ся,
Новость въ ней—приходъ сосѣдки,
Пристани тихая житъя.
Вечеру изъ тусклыхъ оконъ
Кой-гдѣ сиятъ огни;
Въ хатѣ вѣтъ пить волоконъ
Изъ молодкій руки...
Сиучю... свекоръ со свекровью
На полатяхъ крѣпко снять,—
Повела собольѣ брови,
Въ ставень съ улицы стучать
Отворила... на порогъ
Воинъ бравый передъ чай,
О которомъ въ злой тревогѣ
Сердце билось много дній.
— Вася, здравствуй! Ты ли это?
Живъ,—и дома, дорогой.
И любовью взоръ согрѣтый
Блещетъ радостной слезой...
— Быть я раненъ въ бой жаркошъ,
Въ лазаретѣ пролежать,
И пришелъ къ тебѣ съ подаркомъ,
Что съ уходомъ обѣщаешь...

Крестьянинъ-поэтъ Андрей Кузнецовъ.

ПРИЯТНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ.

— Но до чего эта мода настъ дѣлаетъ всѣхъ похожими
одна на другую.

"Life".

Мелочи.

Воспитаніе дѣтей.

Первые годы ребенка имѣютъ наибольшее значеніе для всей жизни,—ими опредѣляются здоровье, характеръ, способности человека, его шансы на успѣхъ и какъ задача, достигается только тѣмъ въ братья ребенка нѣвѣжественнымъ пинь-счастіе. Эта истинна сознается теперь новыми путями, которые признаны всеми врачами и психологами, а въ Америкѣ уже сдѣланы значительные шаги въ области практическаго ея исполь-зованія. Въ Нью-Йоркѣ, Бостонѣ, Филадель-фії и другихъ городахъ существуютъ спе-циальные школы и пансионы, где отвергнуты почти все бытъ бытъ, пріемы воспитанія, сложившіеся въ тѣло свой тяжелый отпечатокъ, славясь потомъ въ течение всей дальнейшей жизни. Какая эта была беззмыслица

перво: первы ребенка нуждаются въ са-момъ бережномъ обращеніи. Каждый испугъ, каждое волненіе, каждое огорче-ніе и другие состоянія существуютъ въ са-момъ, каждый плачъ накладываются на ду-ши, и тѣль свой тяжелый отпечатокъ, славясь потомъ въ течение всей дальней-шей жизни. Какая эта была беззмыслица

наго потрясения картиными разсказами о мученіяхъ грызниковъ въ адѣ, другой разсказами о появленіи въ окрестностяхъ ихъ даинъ какихъ-то ужасныхъ волковъ со свѣтящимися глазами, третій забывать посѣтъ обморока, случившагося съ нимъ, когда ему насильно показывали какую-то картину, которой онъ боялся. Такихъ случаевъ очень много. Современная медицина находитъ, что надо очень осторожно и внимательно относиться ко всѣмъ жалобамъ дѣтей, вдумываться въ причины всѣхъ ихъ перековъ и предрасположеній, не требуя, какъ это теперь принято, одинакового усердія и одинаковыхъ способностей отъ всѣхъ. Дѣти, которыхъ называютъ лѣчимыми, это просто вѣялье, нездоровыя организмы, — имъ необходимо соответственное леченіе, нуженъ режимъ, а не наказанія и угрозы. Часто ребенокъ страдаетъ еще недостаточно развитой памятью, и отъ него нельзѧ требовать того развитія и тѣхъ знаній, которыхъ легко даются другимъ: плохое пищевареніе бываетъ тоже очень часто причиной невнимательности и сонливости. Каждый отдельный случай нуждается тутъ въ самомъ тщательномъ анализѣ, и эту задачу индивидуального воспитанія ставятъ себѣ новые пансионы американскихъ городовъ. Здесь судьба дѣтей выѣрана специалистами, дѣти живутъ въ природѣ, среди цѣѣвъ и домашнихъ животныхъ, и правильномъ гигиеническомъ питаніи развиваются, окруженные постоянной лаской, постояннымъ доброжелательствомъ. Это и есть главная особенность созданій учрежденій: никогда ни одного рѣзкаго слова, леченіе и внушеніе, воздействіе на волю и разумъ вѣсто запугиваній и наказаній. Родители часто не вѣтъ времени отдавая дѣтямъ столько вниманія, сколько требуется, да и не хватаетъ у нихъ и знаній. Такое важное въ общественномъ строѣ дѣло, какъ воспитаніе нового поколѣнія, должно быть передано тѣмъ, кто специально къ этому готовится, кто по призванию, по любви выбралъ себѣ эту профессію. Таково рѣшеніе, вынесенное въ американскихъ городахъ на совѣтѣхъ соѣщаніяхъ педагоговъ, врачей и родителей.

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Издание Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

ВЛАДѢТЬ ЯЗЫКАМИ

является мечтой каждого человека, но не всякий знаетъ о пользующейся громаднымъ успѣхомъ

ЗАОЧНОЙ МЕТОДЪ

обученія иностраннымъ языкамъ по изданию «АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ». Легко, безъ напряженія, безъ скучи, безъ заучивания наизусть грамматическихъ правилъ и словъ, каждый можетъ въ короткое время изучить

ФРАНЦУЗСКІЙ, АНГЛІЙСКІЙ И НѣМЕЦКІЙ ЯЗЫКИ.

КУРСЪ КАНДАГО ЯЗЫКА СОСТОИТЬ ИЗЪ 10 ВЫП. Каждый выпускъ стоитъ 1 руб. 40 коп. Краткій проспектъ бесплатн. Подробн. за 15 коп.

Т-во «БЛАГО», Петроградъ. Николаевская, 44—73.

ЭТИ ПРЕКРАСНЫЯ,
СВѢЖІЯ,
ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЯ ЛИЦА,

эти юные виды и бархатистость кожи получается отъ употребления Дермозона Д-ра Антона Мейера. Въ ближайшей аптекѣ Вы можете получить банку въ 30 граммъ полукарбонатного Дермозона. Втѣрайте его на ночь въ лицо кончиками пальцевъ и Ваше лицо сдѣлается «свѣжимъ, юнымъ и бархатистымъ». Дермозонъ Д-ра Антона Мейера абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь подделокъ.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ Т-ва А. С. СУВОРИНА—
«НОВОЕ ВРЕМЯ».

НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

ОГНЕННАЯ КУПЕЛЬ

Историческая повѣсть.

Цѣна 1 р. 60 к.

П. Г. МИЖУЕВЪ.

САДЫ-ГОРОДА И ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ АНГЛІИ.

Красивое изданіе. Болѣе 150 рисунковъ (8 цветныхъ), плановъ и чертежей. Цѣна въ коленкоровомъ переплѣтѣ 5 р. 50 к. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Окладъ издания—книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время», Невскій пр., 40.

ЛѢТОПІСЬ ВОЙНЫ 1914-15-16 ГГ.

Еженедѣльный иллюстрированный художественный журналъ.

На театръ войны имѣются собственные корреспонденты.

Каждый номеръ не менѣе 16 страницъ большого формата, богато спабжается рисунками, картинами, портретами, планами, картами, набросками и рисунками известныхъ художниковъ.

ПОДПІСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на 1916 годъ: 8 серія (апрѣль—іюнь) } 9 (июль—сентябрь) } Нажда по 4 рубля.

За 1914 и 1915 года и за янв.—мартъ 1916 г. журналъ выписывается по цѣнамъ:

съ 1-й по 7-ю серію (84 номера)—20 руб. съ пересылкой.

Отдельно по серіямъ (за 3 мѣсяца каждая—12 номеровъ) по 3 рубля, пересылка по стоимости.

Отдельный № 30 коп. съ пересылкой 40 коп.

Петроградъ, Надеждинская ул., 19. Телефонъ 427-85.

Редакторъ-издатель генералъ-майоръ Дубенскія.

Гг. ОФІЦЕРАМЪ
ЕЛЕКТРИЧ. ФОНАРИ

небывало СВѢТЛО и ДОЛГО горятъ.
Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.

ЖОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14441

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 21 МАЯ (31 ИЮНЯ) 1916 ГОДА.

№ 14441

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВЪ ЦАРСКОЙ СТАВѢ СРЕДИ ВОЕННЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЮЗНЫХЪ ДЕРЖАВЪ.

Слѣва направо: Итальянскій военный агентъ МАРСЕНГО, Бельгійскій—баронъ РИНКЕЛЬ, Англійскій—генералъ ВИЛЛАМСЪ, Французскій—маркизъ ДЕ-ЛЯГИШЪ и Сербскій—полковникъ ЛОНДІЕВИЧЪ.

Старческая романтика.

I.

— Да, да, это Батурина,—подумал Евграфъ Ивановичъ, глядываясь въ отходившую отъ павильона молодую даму въ блѣдѣю юбкѣ съ ярко-малиновымъ раскрытымъ зонтикомъ въ рукѣ.

Онъ сидѣлъ на скамейкѣ въ тѣни и видѣлъ всѣхъ, собиравшихся утромъ у источника. Это былъ какъ разъ тотъ утренний часъ, когда жегловодскіе доктора рекомендуютъ пить теплую Смирновскую воду, можетъ быть, и очень цѣлебную, но только чрезвычайно невкусную.

Батурина шла между рослыми мужчинами актерского вида, бритыми, въ бѣлыхъ башмакахъ, и худощавыми юношами въ студенческой фуражкѣ и цѣтной сорочкѣ съ аккуратно повязаннымъ галстукомъ.

— Сколько въ ней жизни, темперамента, такъ и просится наружу этотъ избытокъ силы,—думалъ Евграфъ Ивановичъ, внимательно слѣдя за молодой женщиной, проходившей мимо, за ея упирѣнной, упрого-твёрдой походкой.

А Батурина сдругъ повернулась и тоже его узнала и ласково привѣтствовала своей чарующей улыбкой. Было какое-то внутреннее тепло, было затаенная нѣга въ ея зеленоватыхъ глазахъ, пышно отъчесенныхъ густыми темными ресницами.

— Мой милый драматургъ,—оживлено сказала она; вотъ-то не ожидала...

И опять услышалъ Евграфъ Ивановичъ этотъ красивый, звучный голосъ, съ его богатствомъ интонаций, съ его теплыми,

низкими потами, такой подводящій голосъ но чувствовалась въ ней мощь большой Батурина сама подошла къ Евграфу избытку жизненности, которымъ дышало вѣроятности, чувствовалась кровь, темпъ Ивановичу, который съ трудомъ, пришла вся ея вѣнчанность. Черты лица были яркими—въ каждомъ движениѣ, своей тучности, поднимался со скамейки.

ли, пожалуй, грубы и щеки одутловато въ каждомъ ея взглядѣ, въ переливахъ полны, да и фигура не казалась изящной, звучного голоса.

— Пріѣхали въ нашъ женскій курсъ искать героянно для новой пьесы? Не найдете. Неинтересны.

— По моему, я уже нашелъ,—отвѣтилъ Евграфъ Ивановичъ, цѣлуя протянутую ему руку и мягкимъ взглядомъ добродушного старѣющаго толстяка ласкаво лицо молодой женщины.

— Нѣть, нѣть,—я только исполнилъ... съ меня писать теперь нечего.

— Почему?

— Есть причины,—улыбнулась Батурина, лукаво играя глазами.

Евграфъ Ивановичъ на нее внимательно посмотрѣлъ, а она слегка покраснѣла сквозь нѣжный иней пудры и опустила глаза.

— Кажется, я догадываюсь,—сказалъ онъ.

— Можетъ быть...

Съ Батуриной Евграфъ Ивановичъ былъ знакомъ года два. Впервые встрѣтились они на какомъ-то благотворительномъ вечерѣ, куда были оба приглашены читать,—Евграфъ Ивановичъ—довольно популярный писатель, отяженѣній, стѣблющий, уже переходивший въ разрядъ маститыхъ, Батурина—совсѣмъ еще молодая, талантливая актриса, только-только добившаяся признания.

Ближе они познакомились лишь пынѣй зимою, когда Евграфъ Ивановичъ стала писать пьесу, въ которой играла Батурина. Прекрасно играла, ярко и жизненно, съ большими подъемами. Онь ей искренно выразила свое восхищеніе, даже писать обѣ

НА ИТАЛІАНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Король Италии Викторъ-Эммануилъ III, лично руководящій операциами своей арміи. Король стоитъ справа, лѣвѣе его—начальникъ штаба графъ КАДОРНА, еще лѣвѣе—генералъ графъ ПОРРО.

этомъ ей газетъ, и она была очень польщена похвалой известного писателя. «Богато одаренный человѣкъ,—думалъ о ней Евграфъ Ивановичъ—интересная, привлекательная женщина». Онь словно молодѣлъ каждый разъ, когда видѣлъ ея глаза, ея привычно-манившую улыбку.

Прощель потомъ слухъ, что Батурина выходить замужъ. Называли одного молодого, красиваго инженера, говорили, что это уже совсѣмъ рѣшено, но Евграфъ Ивановичъ съ нею тогда не встрѣчался и ничего определеннаго не зналъ. Онь только сейчасъ обѣ этомъ вспомнилъ, когда она сказала: «съ меня писать теперь нечего».

— Такъ это правда? — спросилъ Евграфъ Ивановичъ.

— Да, это правда,—я выходжу замужъ...

— И бросаете сцену?

— Что вы! Что вы! Замолчите.

— А вашъ счастливый избраникъ — сидѣтъ?

— Прѣдѣть, — улыбнулась Батурина:—сейчасъ онъ на постройкѣ. Я тутъ немного лечусь, ужъ очень кутила зимою... Ну, а вы?

— Мое дѣло стариковское: окирѣніе, артритъ... Да и благовѣрная сюда собирается, она пока въ Нижнемъ, у младшей дочери, — онъ тамъ ребенка ожидаютъ... Разыгрываютъ второе дѣйствіе той самой пьесы, которую я вамъ теперь для себя выбрали...

— А напрасно выбрали? — жалѣо спросила Батурина.

Евграфъ Ивановичъ сѣ посмотрѣлъ прямо въ глаза: въ нихъ было самое непосредственное любопытство.

— Вѣдь что собственно интересуетъ? мое объективное мнѣніе писателя-психолога, или вы еще ждете совѣта? Еще не рѣшили окончательно?

— Нѣтъ, я уже окончательно рѣшила... Только вопросъ все-таки интересный, и мы съ вами о немъ поговоримъ.

Она замѣтила нетерпѣливо движеніе ходившаго взадъ и впередъ по аллеѣ своего бритаго спутника въ бѣлыхъ башмакахъ.

— А вы знаете, это кто? Дениска Аркановъ, извѣстный провинциальный актеръ... У него теперь на водахъ аптека, и онъ меня уговариваетъ согласиться на нѣсколько гастролей. Представьте—я уже почти согласилась, я такъ люблю сцену...

Вотъ кстати: какая мысль! Надо ему бимную тему! Предложить вашу пьесу для моего первого выхода въ Пятигорскъ... Чего же лучше! Я вѣдь сейчасъ познакомлю. Денисъ!—позвала она громко, машинально, какъ зонтикъ, и звучный ея голосъ раскатился по аллѣ.

II.

Евграфъ Ивановичъ опять побѣхаль съ утра на цѣлый день въ Пятигорскъ вмѣстѣ съ Батуриной.

Тамъ, въ Лермонтовской галерѣ, репетировали его пьесу, и онъ забылъ, что у него въ одиннадцать ванна, а въ половинѣ первого—массажъ и врачебная гимнастика. Забылъ и то непрѣятное впечатлѣніе, которое на него произвели слова доктора о расширѣніи сердца.

Какъ хороша въ этой роли Батурина! Жизнь, страсть! Она почти не играла на репетиціи, она только дала нѣсколько интонацій, а какая сила, какой могучий захватъ! И какой чарующій голосъ...

— Ай, да Мареушка! Большая актриса изъ нея выйдетъ! — крикнулъ послѣ сцены второго дѣйствія Денисъ Аркановъ, а старый комикъ Невзоровъ-Ланская просто подошелъ прямо къ ней и взялъ ее за подбородокъ и стала щелкать въ обѣ щеки.

— Дура! Дура! Набитая дура!—обратился Аркановъ къ Евграфу Ивановичу намѣренію громко, чтобы Батурина слышала: ей бы играть, да играть, а она замужъ! Не хочу, моль, учиться, хочу жить... И что это тебѣ, Мареушка, такъ

НАШИ КУРОРТЫ.

Видъ ПЯТИГОРСКА съ силуэтомъ горы БЕШТАУ.

канову этотъ самый Финкъ, и онъ-то, главнымъ образомъ, и настаивалъ на гастроляхъ Батурины, за которой стала очень замѣтно ухаживать.

III.

Послѣ первого представления пьесы Финкъ устроилъ большой ужинъ у подвожки Машука, около таѣзъ называемаго «Провалъ».

Хотя Евграфъ Ивановичъ и общалъ своею доктору не ложиться позднѣе одиннадцати и не ужинать, но онъ тоже остался на ночь въ Пятигорскѣ и побѣхаль со всей компанией на «Провалъ». Да и какъ было не остататься, когда проста Батурина...

Сидѣли на широкой террасѣ, надъ сапиимъ обрывомъ, гдѣ засыпалъ въ глубинѣ серебряный отъ луны Подкумокъ. Съ далекихъ сапиевыхъ вершинъ плылъ колеблющийся ночной воздухъ, весь пропитанный луннымъ сѣятомъ, неся ароматъ полей и свѣжестъ чистаго горнаго сѣнга.

— Какая красота! какая красота!—посторожъ нѣсколько разъ Батурина, увлекая Евграфа Ивановича къ самому краю террасы:—оны этого не понимаютъ,—указала она на сидѣвшихъ за столомъ.

Батурина еще, повидимому, не совсѣмъ отошла отъ пережитаго на сценѣ. Она была такая первая и возбужденная, полна какихъ-то странныхъ томлений. Можетъ быть, нарочно оставила она немножко

только захочешь...

— Обѣщаю тебѣ, мой милый денисъ, никакого дѣла: дѣвушка ты, не дѣвушка, сейчасъ особенно черни, и глаза особенно

пишаны такъ въ афишѣ, и никому пѣтъ гриму на лицѣ,—по рѣчицы ея были

что буду совершенію также и въ будущемъ разностороння, безразвѣщенна, —ты просто блестѣши въ затмѣнныхъ вѣкахъ, и

щемъ году служить у тебя здѣсь, если госпожа—и ничего больше. Особа женская ярко алѣть ротъ.

го пола... Ну, и жизни, и пользуйся, и слу-

— Я вѣдь, прадза, сегодня поиздѣ-

жень сапи на сценѣ выбиралъ! Развѣ ствуешь, въ сущность вещей прони-

лѣшь?—спросила она Евграфа Ивановича:

актрисъ, вѣтъ такъ, какъ ты, пропавъ прадзу и горюю, Евграфъ Ивановичъ? Мы

— Очаровательны, Мареа Александров-

шихъ, самыхъ лучшихъ, самыхъ талантъ-тоже, маленькие провинциальные разогнаны, на,—словъ не нахожу...

— А вы знаете, я за себя боялась. От-

чайши сапи на сценѣ выбиралъ! Развѣ ствуешь, въ сущность вещей прони-

лѣшь?—спросила она Евграфа Ивановича:

не хватаетъ имъ барышень, самимъ Боякѣмъ... Есть у тебя твой спальня...

— Ну, довольно, мой другъ,—сухо и

хочешь домъ, кажется, въ изобилии имѣютъ... Хороши и вы тоже... Ну, понравилъ

Аркановъ къ ней удивленно повернулся,

— Еще бы не пошелъ! Евграфъ Ива- — А! Осипъ Казимировичъ,—кинулся

по увидѣлъ входившаго на сцену нового

лучше! Я вѣдь сейчасъ познакомлю. Де- новичъ, да послушайте вы меня: вѣдь до- къ нему Аркановъ.

вершина! Есть у тебя и уборная человѣка, при которомъ она, повидимому, любовался этой стоявшей около него моло- женькой...

на сценѣ, и спальня въ квартирѣ, есть и не хотѣла продолженія завязавшагося раз- гостиницы и ресторана... подумашь, говоря. Это былъ присяжный повѣренный изъ Ростова и очень денежный дѣлентъ

изъ глазами.

— Ну, довольно, мой другъ,—сухо и

хочешь, я за себя боялась. От-

вѣтъ я больше не пью... Я могу

быть, поздоровѣ, лихорадка, но такъ би-

гомъ для того предназначеннаго! Вѣдь

домъ, кажется, въ изобилии имѣютъ...

— Ну, довольно, мой другъ,—сухо и

хочешь, я за себя боялась. От-

вѣтъ я больше не пью... Я могу

быть, поздоровѣ, лихорадка, но такъ би-

гомъ для того предназначеннаго! Вѣдь

домъ, кажется, въ изобилии имѣютъ...

— Ну, довольно, мой другъ,—сухо и

хочешь, я за себя боялась. От-

вѣтъ я больше не пью... Я могу

быть, поздоровѣ, лихорадка, но такъ би-

гомъ для того предназначеннаго! Вѣдь

домъ, кажется, въ изобилии имѣютъ...

— Ну, довольно, мой другъ,—сухо и

хочешь, я за себя боялась. От-

вѣтъ я больше не пью... Я могу

быть, поздоровѣ, лихорадка, но такъ би-

гомъ для того предназначеннаго! Вѣдь

домъ, кажется, въ изобилии имѣютъ...

— Ну, довольно, мой другъ,—сухо и

хочешь, я за себя боялась. От-

вѣтъ я больше не пью... Я могу

быть, поздоровѣ, лихорадка, но такъ би-

гомъ для того предназначеннаго! Вѣдь

домъ, кажется, въ изобилии имѣютъ...

— Ну, довольно, мой другъ,—сухо и

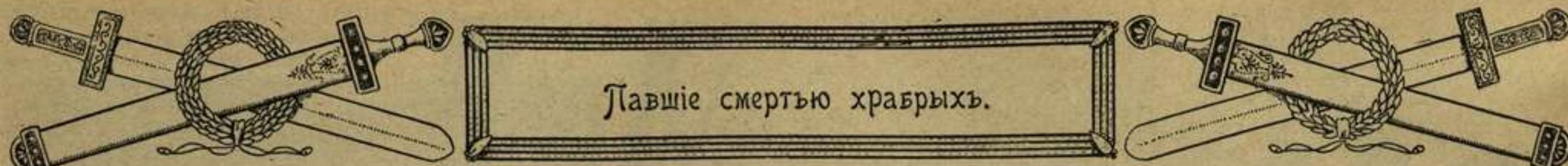
хочешь, я за себя боялась. От-

вѣтъ я больше не пью... Я могу

быть, поздоровѣ, лихорадка, но такъ би-

Окрестности КИСЛОВОДСКА. Такъ называемый «Замокъ новобрачья и любви». Съ фот. В. Я. Мальцева.

Капит. В. В. Туркани-Сурикович.
Награжд. орд. св. Георгия 4 ст. и
Георгиевским оружием.

Поручик П. Ф. Аранчевъ.
Награжд. Георгиевским оружием.

Подполк. Г. В. Ахвердовъ.

Капит. Н. И. Бреховский.

Капит. А. Н. Петренко.

Подпоручик Н. М. Дубининъ.

Прапорщ. Н. И. Рябовъ.
Нагр. Георгиевским кр. 4 ст.

Прапорщ. В. В. Воронцовъ.

Прапорщ. Б. Н. Кратъ.

Прапорщ. Е. Р. Степановъ.

Прапорщ. М. М. Котляровъ.

Подпоручик И. И. Тупицъ.

Поручик Л. М. Крыловъ.

Прапорщ. П. В. Лебедевъ.

Подпоруч. Мейеръ.

толстую, мягкую руку Евграфа Ивановича, выкорчившая и вынырчившая троих проходившую в парк Батурина. Оть... Но почему онь, вь сущности, старый деть, сама ихь всегда обшивавшая, умѣвшая увидѣть не ее, а только арко-мали-дуракъ? Разъ: онь действительно ищетъ въ былые трудные или затяжного новый зонтик и блузу юбку. Съ этой ей взаимности? Разъ: онь не понимаетъ безденежья все-таки кое-какъ сводить концы съ концами! Теперь ей уже пятьдесятъ лѣтъ, она носитъ широкія, безобразныя кофты и держитъ себѣ совсѣмъ старухой. Но сколько къ нему трогательно внимания, сколько заботливости, важной, необходимой...

— Еще одинъ послѣдний тостъ за здоровье нашего уважаемаго, нашего маленькаго драматурга! — громко произнесъ Финкъ, особенно ударя на словѣ «маленький»: Дениска! Дениска! хоръ!

IV.

Позднимъ утромъ Евграфъ Ивановичъ сидѣлъ у себя въ номерѣ, въ нижнемъ этажѣ гостиницы, и читалъ письмо, только что полученное отъ жены.

Роды дочери всполнили благополучно, появился на светъ «здоровый, прелестный мальчикъ», но Настасья Ильинична все-таки хочетъ еще остаться дней десять, чтобы уѣхать вполнѣ спокойной.

Она выражаетъ надежду, что Евграфъ Ивановичъ аккуратно лечится, и удивляетъ, что онь ей еще ничего не писалъ.

Милая, добная Настасья Ильинична,—

выкорчившая и вынырчившая троихъ проходившую въ паркъ Батурина. Оть... Но почему онь, вь сущности, старый деть, сама ихь всегда обшивавшая, умѣвшая увидѣть не ее, а только арко-мали-дуракъ? Разъ: онь действительно ищетъ въ былые трудные или затяжного новый зонтик и блузу юбку. Съ этой ей взаимности? Разъ: онь не понимаетъ безденежья все-таки кое-какъ сводить концы съ концами! Теперь ей уже пятьдесятъ лѣтъ, она носитъ широкія, безобразныя кофты и держитъ себѣ совсѣмъ старухой. Но сколько къ нему трогательно внимания, сколько заботливости, важной, необходимой...

И какъ бы она искренно и глубоко горючила, если-бы только узнала, что Евграфъ Ивановичъ здѣсь забросилъ вся-кое лечение, что онь сколько времени ужъ

не былъ у доктора, засиживается за шумными ужинами, ложится на разсѣтъ и пить вино...

Евграфъ Ивановичъ еще разъ повернулся письмо, но вдругъ какое-то странное и радостное волненіе заставило его поднять голову.

Оть увидалъ сквозь кисью занавѣски Старый дуракъ!..

ЦАРСКАЯ СТАВКА.—Государь Императоръ христосуется съ нижними чинами частей, находящихся въ Ставкѣ.

горы могутъ ихъ связывать. Она и — Голубчикъ, но вы лоймите... Этотъ сейчасъ такъ цѣнить его умъ, его душевъ-человѣкъ мнѣ безумно любить, и я его по- чую чуткость, она такъ любить съ нимъ любила тоже. И онъ хотеть, чтобы я стала категорического мнѣнія. Говорить, такъ ждеть его словъ, его отвѣтъ-его женой. Ну, онъ такой,—что можно дѣлать передъ собой Батурина и говорилъ ей Евграфъ Ивановичъ. Тогда полно ему довѣрять. А разѣ сдѣлать? Ему надо, чтобы я у него жила, то, что ему подсказывало какое-то собѣдѣль? Вѣдь надо во-время ложиться...

«духовникъ женщины»—это только пу- возвращалась къ нему изъ театра. Да и я, ственное эгоистическое чувство. стое сочетаніе словъ, лишенное всякаго Евграфъ Ивановичъ, я все-таки тягочусь — Да, да,—вы, кажется, правы,—за- внутренняго смысла? Разѣ иной разъ своимъ одиночествомъ, мнѣ нужень кто-ни- думчиво сказала она.

это не самая реальная надъ женщиной, будь совсѣмъ близкій... Одинокая женщина — Но какъ жить, Евграфъ Ивановичъ?

не самая могущественная власть? Да, такъ帮忙на... Да, да,—я уже совсѣмъ

принимать сезонныя предложения всѣхъ да,—духовникъ,—хорошо сказано, очень, рѣшила, рѣшила тогда зимою, среди всѣхъ этихъ противныхъ Финкъ? или амико-

этихъ закулисныхъ дразнъ, этихъ гадкихъ шонскую близость какого-нибудь Дениски

интритъ большой сцены, которая вы, ко- Арканова? Я уже испытала и то и другое...

ночно, знаете... Но теперь я вдругъ стала Она сдѣлала губами гримасу и опять

боьтесь. А что, если онъ начнетъ ревно- глотнула вина.

вѣдь къ театру? а что, если я, въ концѣ — Вы, вѣдь сами, конечно, знаете

концовъ, уступлю? стану самой обычно- условія сцены, и нашу актерскую среду, и

венней замужней женщиной? Ни за что! На публику первыхъ рядовъ. Вы знаете, какъ жить, и тогда можно жить долго.

— А мы съ вами ловко надули этого Финка и удали вдвоемъ въ Итальянскую колонию,—говорила Батурина Евграфу

это я не согласна,—лучше теперь же отъ труда бороться одинокой молодой женщи-

но отказатьсь!.. Только мнѣ это очень нѣ, съ которой вымогаетъ взятку каждый павѣстила...

— Не выходите замужъ,—съ прежнимъ человѣкомъ, прежде всего человѣкомъ... И когда проходила въ паркъ. Пропустилъ и ея

маленький администраторъ. И вотъ ищешь него докторъ, и онъ не видѣть, какъ она

зашла... Но какъ странно, что Батурина его не

зашла... Но какъ разъ о немъ

осталась

— Какой ароматъ! Какая прелестъ!..

Особенно звучны казались въ этой за- крытой бесѣдѣ грудные полныя ноты ея красиваго голоса.

— И какое вкусное вино,—прибавила она, нагнувшись и тронувъ полный бокаль яркими губами.

— Слушайте, голубчикъ,—давайте, по- говоримъ съ вами посерѣзѣтъ... Я какая- то совсѣмъ глупая стала: больше себя не понимаю. Вы вѣдь знаете, что я окончательно рѣшила выйти замужъ. Хорошо я дѣлаю?

Евграфъ Ивановичъ былъ весь поглощенъ ея присутствиемъ,—согерцаниемъ этихъ оттѣненныхъ рѣсицами зеленоватыхъ глазъ, завороженъ ея близостью, красотой голоса...

— Хорошо ли вы дѣлаете?—повторилъ онъ машинально.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не то сказала... Я хочу сказать, что я теперь уже колеблюсь... Я слишкомъ люблю театръ, и слишкомъ люблю свою свободу, и боюсь это все потерять... Какъ вы думаете?

Она взяла Евграфа Ивановича за руку, трепетная, нетерпѣливая.

— Да, Мареа Александровна, да,—отвѣтилъ онъ съ убѣженіемъ,—вѣдь не надо идти замужъ. Правъ, Аркановъ: на то есть другія.

Она сдѣлала немногій театральный жестъ, сложивъ и вытянувъ руки, и по- томъ поставила оба локти на столъ и легла разгоряченной румяной щекой на руки.

— Мареа Александровна, милая,—заговорилъ Евграфъ Ивановичъ,—вамъ груши по выходу замужъ... Грѣшино...

Онъ не находилъ сейчасть словъ и дозо- довать, онъ только на нее смотрѣть, жадно любясь каждымъ ея движениемъ, каждымъ вздохомъ. Какая яркая, какая жизненная!

— Да, да,—я подумаю, вы, можетъ быть правы,—сказала она:—но... я хочу любить, Евграфъ Ивановичъ, хочу его ласки, его понѣшуръ... чтобы оѣѣ былъ здесь, поскорѣй приѣхать... Вѣдь какой ароматъ! Какой воздухъ!.. Посмотрите вы въ эту аллею: какая прелестъ! Я хочу любви, безумно, страстью... Кого мнѣ любить? Скажите: Финка? Васъ?.. Мишу Пѣцкова? Арканова?

Она встала изъ-за стола и къ нему по- дошла, и почти падь нимъ склонилась, отдавъ ему руки.

— Вы не можете меня не понять,— вѣдь вы писатель, вы видите мою душу, мою кровь... Вы здесь самый умный и са- мый чуткій. И я знаю, вы меня очень глубоко чувствуете.

Евграфъ Ивановичъ сталь безмолвно цѣловать ея отдашіяся ему руки, и вдругъ нѣжныя, горячія губы коснулись его лба.

Но сразу она оторвалась и сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась у вы- хода бесѣдки.

— Какая ночь! Можно, правда, поте- рять голову! Хорошо, что я здесь не съ Финкомъ!.. Велите подавать лошадей, Евграфъ Ивановичъ. Что вы, въ самомъ тѣа- трѣ? Вамъ надо во-время ложиться...

VI.

Евграфъ Ивановичъ себя такъ скверно чувствовалъ цѣлый день, что даже не рѣшился выйти изъ номера: почти все время пролежалъ въ постели. И не на штуку перепугался.

Только прежнаго доктора было позвать стыдно: онъ вѣдь совсѣмъ забросилъ ле- чение. Зато вновь появившійся профессоръ его немного успокоилъ. Необходимъ толь- ко режимъ, режимъ, самый суровый ре-

жимъ, и тогда можно жить долго.

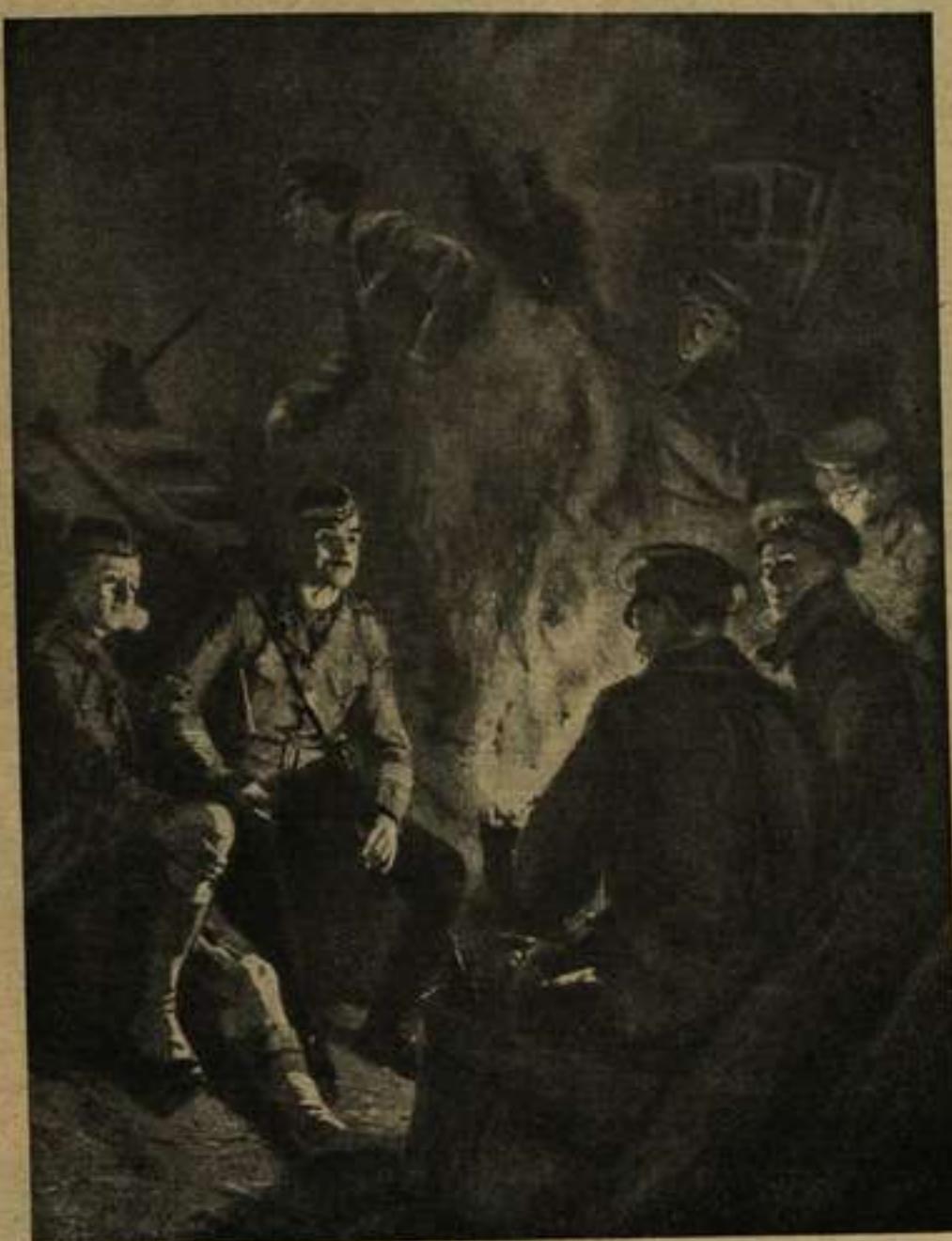
Но какъ странно, что Батурина его не зашла... Но какъ разъ о немъ

зашла... Но какъ странно, что Батурина его не

зашла... Но какъ разъ о немъ

зашла... Но какъ странно, что Батурина его не

ВОЕННЫЕ ТЕМЫ ВЪ ЖИВОПИСИ НАШИХЪ СОЮЗНИКОВЪ.
Лондонская картинная выставка 1916 г., въ Королевской академии.

«Передъ разсвѣтомъ въ окопахъ».—Картина худ. Фреда Ру.

«Отъездъ на фронтъ».—Картина худ. Ричарда Дикси.

не вспомнила? Не зашла поговорить? вамъ очень нуженъ. Только ужъ вы полегкай! Иди сюда... Позвольте васъ познакомить. Ведь они встречались каждый день. Еще читай, какъ тѣбѣдуетъ...
вчера, они разстались такими хорошими, На другой день, часовъ въ десять утра, Евграфъ Ивановичъ, болѣзнето крихти, дой человѣкъ, съ красивой темной бородой, однѣ слово подсудимой, еще молившей близкими друзьями послѣ поѣздки въ Египетскую колонию. Какая свѣтлая, двинулся въ паркъ: все казалось, что въ кой и внимательныи, умныи взгля- радостная поѣздка! Батурина, конечно, груди слѣва какъ будто колеть. Онъ ти- понимаетъ, какъ она ему нравится. Жело дышать и присаживался на каждую лѣжку и скакалка... Пусть эти краски подъ теплымъ солнцемъ, вдыхая живи-
хихъ отношений теплопы и блѣды; она съ тельный кислородъ деревьевъ. Чѣмъ! Она съ нимъ такъ мила, такъ скамейку. Но понемногу стала отходить въ южную и кокетлива...
близкій, нужный...
Какъ странно, что она къ нему не за-
шла... Можетъ быть, ее спѣшило вызвать Евграфъ Ивановичъ:—неужели она осталась почечать въ Пятигорскѣ?

Вечеромъ опять явился профессоръ и разрѣшилъ Евграфу Ивановичу завтра уже издали увидѣть яркій зонтикъ Батурина.
Опять повернуль обратно къ гостиницѣ и
осталась одна мнительность... а воздухъ знакомымъ мужчиной. Кто это такой?..

БЕЗПОРЯДКИ ВЪ ДУБЛИНѢ.

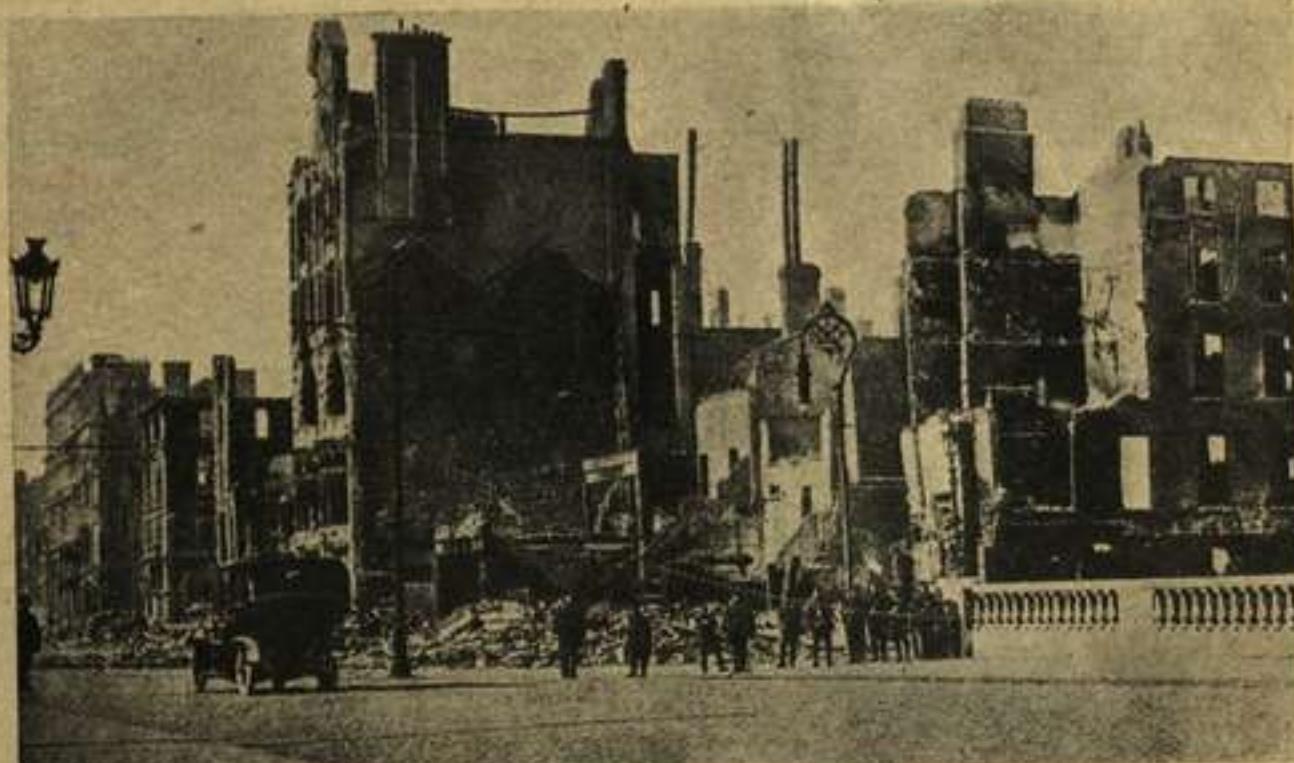
Главная улица города Дублина, столицы Ирландіи, послѣ подавленія ирландскаго мятежа, продолжавшагося около трехъ сутокъ.

— Евграфъ Ивановичъ!—точно удиви- въ этомъ взглядѣ, но было въ немъ и лась Батурина: ну и другъ,—какъ не упрашество, настойчивое, женское...
— Мы сейчасъ идемъ вокругъ Желѣ-
стыни?

Яркая краска внезапно прилила къ ей ной горы,—продолжала Батурина: я хочу сильно напудреннымъ полнымъ щекамъ показать эту чудную дорогу... А потомъ

— А вы знаете, вчера приѣхалъ Сер- мы еще съ вами, конечно, увидимса-
гъ... ничего не сообщая, утромъ... Сер- правда?.. Давайте вмѣстѣ обѣдать...

Она, отходя, улыбнулась, и эта полная обычныхъ чаръ улыбка была, какъ по-
мимъ.
Подошелъ ея спутникъ, высокий моло- слѣднее слово подсудимой, еще молившей
дѣлъ. Улыбка открыла его ровные, бѣ- «Какие преступные, какие подлые гла-
зья!.. Почти вслухъ подумалъ Евграфъ
Ивановичъ.
— А я была уѣтена, что вы ко мнѣ Старый, старый дуракъ! Духовникъ,—

Улицы Дублина послѣ мятежа.
Дома пострадали отчасти отъ поджоговъ, отчасти при сопротивлении мятежниковъ.

зайдете, Евграфъ Ивановичъ. Мы вчера смыслило исполнить. Нуженъ ей теперь вышли въ паркъ только поздно вечеромъ. Этотъ духовникъ, когда появился любов-
никъ!.. Слова, колебанія, невидимыя, ленной, точно пойманной на чѣмъ-то не-
хорошемъ, и будто притала отъ собесѣдни-
ка лукаво-преступные, заспаные глаза. имѣло смыслъ, пока не пришелъ настоя-
щій...

— Вы знаете, мы послѣ завтра уѣзжа-
емъ въ Кисловодскъ. Онъ хочетъ тамъ Да и какая это въ концѣ концовъ че-
привести дѣвъ звѣдъ... А потому я, ка-
пуха, какая старческая романтика!.. Вотъ
жетъ, совсѣмъ отсюда уѣду... Мы вмѣстѣ если бы тогда, въ бѣдѣ, въ лѣтѣ на
уѣдѣмъ,—прибавила она, нѣжко взявшись ея томление, на си понѣтливъ, въ этотъ
своего спутника за руку и взглянувъ сна-
пъяннѣйшимъ вечеръ, онъ взялъ бы
чала на него, потому на Евграфа Ивано- ее за плечи со всей силой закишающей
вича. Признаніе полной виновности было молодой страсти,—о! тогда еще неиз-

вѣстно, какъ бы она встрѣтила внезапный прѣздъ на слѣдующее утро своего уже обманутаго жениха!.. Не даромъ она такъ боялась Финка...

Но жирный Евграфъ Ивановичъ,— влюбленный въ нее духовникъ...

Какъ просто и легко, безъ малѣйшей боли и сожалѣнія, было это ему сказано: мы послѣ завтра уѣзжаемъ... А онъ-то вѣрить въ какія-то крѣпкія, невидимыя связи!.. Безсмыслица старческая романтика! Съ такой женщиной, какъ Батурина, связь можетъ быть только одна... Вся теперь порабощена, вся захвачена,— потому такіе подлые, пристыженные глаза...

Евграфъ Ивановичъ поплелся въ свой номеръ.

При входѣ въ гостиницу ему подали телеграмму: Настасья Ильиниша выѣхала изъ Нижнаго.

В. Опочининъ.

«Прощай, Гергей!»

Въ глубинѣ австрійской провинціи, почти столѣтнимъ старцемъ, только что умеръ послѣдний венгерскій патріотъ, когда-то едва не вырвавшій изъ рукъ Франца-Іосифа корону св. Стефана. Гергей закончилъ свою долгую жизнь въ полнѣйшей безѣстности, давно всѣми забытый, многими презираемый, какъ измѣнникъ національ-

ного знамени. Венгерскія укрѣпленія, надъ ко- изружностью молодого генерала, который торыми сломало себѣ шею австрійское во- передъ тѣмъ систематически побивалъ на- произошелъ только физическій распадъ тѣ- енное искусство, падали одно за другимъ, и шихъ «солозниковъ» въ этой грустной для земной оболочки Гергей, потеря же всей его наконецъ дошла очередь до послѣднаго нихъ кампаний.

духовной жизненности, смерть политиче- ской—совершилась уже шестидесять семь лантіваго венгерскаго военачальника Ар- турія Гергеля, не разъ украсившаго себя ар-

турою Гергеля, не разъ украсившаго себя ар- трофеями. Онъ былъ окруженнъ томъ небольшими баекандарами, усиками памятное для честнаго русскаго оружія и поставленъ ими въ безвыходное положеніе. 11 генераловъ, 2.000 офицеровъ, душі. Большиі голубые глаза его блещутъ самолюбія дата, когда половина двуединой 30.000 солдатъ и 144 орудія вынуждены были закончить свою славную ка- ражающимъ полное сознаніе силы и пре- никола Павловича, не довѣра честности рѣгу на поляхъ красиво раскинувшагося восходства. На головѣ Гергеля была повяз- его апостолического величества.

Русская армія, по великодушному при- казу государя направлена для спасенія Штабъ генерала Фролова, куда явился къ кроткое доброе лицо его еще болѣе ка- династіи, блестящѣ выполнила свое зада- для первыхъ переговоровъ диктаторъ и залось нѣжныемъ. Его костюмъ состоялъ изъ. Ей было высочайше повелѣно разбить венгерскіхъ инсургентовъ, совершившое простое, темнокоричневое венгерскія войска, и она, вовсе не обнару- твѣ—явился самъ, съ полнымъ довѣріемъ пальто, съ красными шнурами на груди и живая ни матѣйшей симпатіи къ Австріи, къ рыцарству своего противника,—была съ позументомъ на воротникѣ; черезъ плечо отнеслась къ сватой славѣ нашего положительно очарованъ увлекательною чѣмъ неразлучная спутница его—дорожная

Графиня Нада ТОРПИ, дочь великаго князя Михаила Михаиловича отъ морганатического брака и по матери правнучка А. С. Пушкина. Объявлена невѣстой принца Георга Баттенбергскаго, офицера британскаго флота.

сумка, огромные (далеко выше колѣнъ за- ходиціе) сапоги изъ самой грубой кожи. Рѣчь его проста; гармоніческій голосъ звучитъ силуэтомъ, въ приемахъ видѣнъ врожденный даръ повелѣвать...

Незадолго до своей сдачи Гергей рѣшился было на послѣдній, казавшійся ему спасительный для Венгрии, шагъ: отъ имени венгерскаго народа, вручившаго ему свои судьбы, онъ предложилъ венгерскую корону одному изъ сыновей императора Николая Павловича, имѣя въ виду великаго князя Константина Николаевича. Но строжайший хранитель началъ монархического легитимизма, императоръ и тутъ сталъ выше интересовъ личныхъ, династическихъ и тепоколѣбимо отклонилъ планы Гергеля.

Его послѣдняя ставка была проиграна, и оставалось покориться на милость побѣдителя. Но сдѣлалъ это Гергей съ тѣмъ премудрѣмъ, котораго никогда потомъ не простили ему Австріцы. Онъ категорически отказался сдаться австрійскому главнокомандующему Гейнау, какъ того желала наша неумѣстная деликатность, заявивъ, что рѣшненое имъ «передъ Богомъ, народомъ и исторію» добровольное сложеніе оружія можетъ быть совершено только передъ русскими войсками, потому что

Военный летчикъ подпоручикъ Леонъ Вл. ОСИПОВЪ
Сбилъ 16 апреля сего года въ воздушномъ бою германскій «Альбатросъ Истребитель» и будучи раненъ, имѣя 152 пробоины въ аппаратѣ, благополучно спустился на своей территории. Представлена къ ордену св. Георгия 4 степени.

Итальянскій траншеи въ Верхней Карніи на высотѣ 1750 метровъ надъ уровнемъ моря.
Фотографія эта даетъ ясное представление, въ какихъ исключительно трудныхъ условіяхъ приходится вести войну Итальянцамъ.

затыльникъ за-
кой.
ность зву-
цень вро-

рѣшилъ
ему спа-
отъ имени
ему свои
ку коро-
на Нико-
вѣликаго
Но стро-
хискаго
сталъ вы-
ескихъ и
Гѣргея.

онгра, и
ть побѣд-
гѣмъ пра-
потомъ не
категори-
кому глав-
го желан-
сть, за-
ль Богомъ,
ое сложе-
но только
тому что

— Почему мы, въ самомъ дѣлѣ,
Только хлѣбъ чужой ъдимъ?
Сельский трудъ необходимъ...
Соберусь на той недѣлѣ...

— Ахъ, деревеня, рай земной,—
Звукъ свирѣли, лугъ зеленый,

И гуляющій со мной
Пастушокъ всегда влюбленный!..

— Все, что пишутъ, все невѣро,—
Фермеръ мраченъ и суровъ,
И вдѣбовокъ отъ коровъ
Нѣтъ проходу,—скучно, скверно...

Мѣтъ приснилось сегодня душистое лѣто,
Лѣсъ зеленый и поле въ цветахъ разно-
цвѣтныхъ:
Сколько радости, жизни и яркаго свѣта,
Сколько пѣсень веселыхъ и грезъ безза-
вѣтныхъ...

Въ эту ночь я жила въ мірѣ дивныхъ
видѣній,
Въ мірѣ сказки-мечты, молодой беззабот-
ной.—
Въ хороводѣ любимыхъ и любящихъ тѣ-
ней,
Слыша звуки и пѣсни весны мимолетной.

Я проснулась... въ окошко сквозь тонкія
шторы
Ужъ заглядывалъ плачущій пасмурный
день.—
А въ душѣ еще пѣли волшебные хоры,
И сѣлась убѣгала послѣдняя тѣнь!

Е. К.

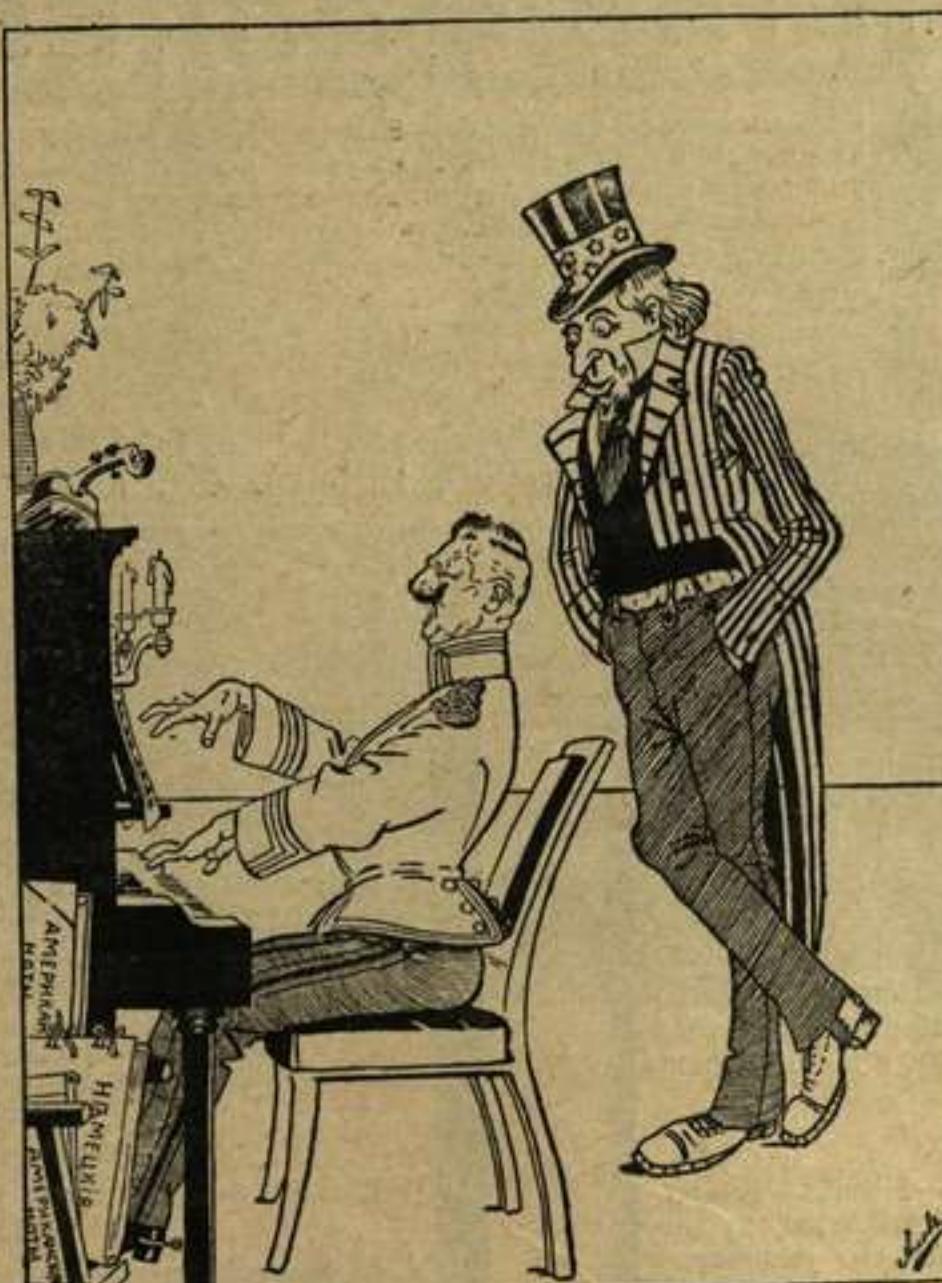
гей! отвѣчала слезами искренней предан-
ности своему вождю».

Окончились русскія побѣды,—начались австрійскіе суды, залившіе Венгрию кровью побѣденныхъ, и только не допускавшее возраженій вмѣщательство императора Николая Павловича спасло жизнь Гѣргею, беззаботное прамодушіе котораго произвело сильное впечатлѣніе на государя. Еще до передачи Гѣргея австрійскимъ властямъ онъ рѣшительно потребовалъ амнистіи для Гѣргея, заявивъ, что въ противномъ случаѣ бывшій диктаторъ Венгрии будетъ отвезенъ въ Россію. Только такимъ образомъ сохранилъ Гѣргей свою жизнь, но, увы, не смогъ оградить свое имя отъ австрійской грязи, щедро на него выплеснутой изъ іезуитскаго габсбургскаго ушата. Тѣ 800 полуимперіаловъ, которыми слѣдилъ фельдмаршаль Паскевичъ Гѣргея, взамѣнъ его собственныхъ денегъ, отнятыхъ Австрійцами, дали послѣднимъ обильную пищу для злословій, и подъ умѣлыми руками клеветниковъ посыпали злое сѣмя подозрѣнія. Сперва глухо, а потомъ все сильѣ и позадиные пошли по Венгрии темные слухи на старую тему о русскомъ золотѣ и предательствѣ Гѣргея, якобы продавшаго мадьярскую свободу. Гѣргей, опшеломленный австрійскимъ измышеніемъ, оправдывался, какъ только могъ, но его слухи далеко не вѣрь и далеко не стѣ полныятъ до-
ицѣемъ. Странѣ, обманувшейся въ своихъ мечтахъ, пылкой и гордой, нужно было сорвать на комъ-нибудь общую неудачу, и таюю искупительную жертвою стала бывшій идолъ венгерской независимости. Заперты въ условіяхъ быта маленькаго австрійскаго городишкі, Гѣргей «потерялъ лицо» и превратился изъ скрѣпъ обычнаго, съ незавидными пятнами на репутации, нѣсколько стершимся только въ послѣдніе годы.

Въ память честнаго врага Россіи, ее уважавшаго и многое предвидѣвшаго, смѣло можно повторить старое напутствіе его солдатъ:

«Прощай, Гѣргей!»

В. Аль-ъ.

— Послѣдняя ваша нота ужъ очень какъ-будто фаль-
шивка... а впрочемъ... послушаемъ еще...

Карик. Аловъ.

— Здравствуй, фермеръ! говорять,
Здѣсь, въ деревнѣ, много дѣла,—
Я для этого надѣла
Самый простанѣкій нарядъ...

— Вонъ! домой! газеты врутъ,
Имъ не вѣрите ни за что вы:
Здѣсь не нуженъ женскій трудъ...
Фермеръ! лошади готовы?..

(The Sketch*).

Литературные замѣтки.

Белетристическая исторія.

Рядомъ съ исторической белетристикой существуетъ родственная ей, но вмѣсть съ тѣмъ имѣющая и свои особыя пріемы, область литературы, которую можно назвать «белетристической исторіей». Въ исторической белетристикѣ исторіи берется какъ фонъ для художественныхъ замысловъ писателя, причемъ последний рисуетъ передко на этомъ фонѣ узоры болѣе причудливые, чѣмъ это полагалось бы на основаніи документальныхъ даннѣхъ. Белетристическая исторія не желаетъ ничего ни прибавлять, ни убавлять, она хочетъ оставаться точной и беззрѣстрастной, какъ само историческое изслѣдованіе, и художественная форма берется здесь лишь для болѣе вышуклой выразительности, и характеристики историческихъ лицъ и яснѣй, а то такъ и совсѣмъ позадѣствовывать. На большую часть историческихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ кни- относится къ хорошо изученной авторомъ г. Е. Шумигорскаго «Тѣни минувшаго», алюхъ Павла и Александра I. Для царствованія Павла представляли благоприятную почву для самыхъ фантастическихъ и могущихъ показаться невѣроятными событий. Яркимъ приображеніемъ этого являетъся разсказъ авторомъ исторіи пребыванія въ Россіи якобинки, игравшей во времена французской революціи роль «богини Разума», а у нее стаціей любовницей пользовавшагося при Павѣ большими влияниемъ извѣстнаго Кутайсова и разъѣзжавшаго верхомъ «въ сопровождѣніи двухъ придворныхъ шутъ-шталмейстеровъ, подобно тому, какъ прогуливался самъ императоръ». Въ очеркѣ «Завѣщаніе императора Павла» г. Шумигорскій разсказываетъ исторію трогательной любви къ Павлу «скромной иорванской девицѣ изъ придворного штата императрицы Маріи Феодоровны, Маріи Николаевны Юрьевой». Мимолетная связь съ этой «блудной смутянкой» оставила такой глубокой слѣдъ въ сердѣ императора, что, позабывъ былое о ней, подъ влияніемъ увлечения Гагариной, неиздѣло до своей смерти огнѣ вспомнилъ о ней и написалъ нужнымъ составить завѣщательный актъ, касающейся дѣтей, явившихся плодомъ этого увлечения. Само трупило по размѣрамъ вещью является «Романъ принцессы Іеверской». Внимательный читатель безъ труда востановитъ имена тѣхъ лицъ, которыхъ авторъ счелъ болѣе удобнымъ вывести подъ позначеніемъ принца и принцессы Іеверскихъ; это представляется тѣмъ менѣе затруднительнымъ, что имя героя романа «принцессы», штабъ-ротмистра Охотникова, оставлено въ позѣтии безъ измѣненія. Мастерския являются харак-

* Е. Шумигорскій. Тѣни минувшаго. Историческіе повѣсти и разсказы. Петроградъ. 1916 г. Стр. 250. II. 1 р. 25 к.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14448

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 28 МАЯ (10 ИЮНЯ) 1916 ГОДА.

№ 14448

ЛОНДОНСКАЯ ВЫСТАВКА 1916 г. ВЪ КОРОЛЕВСКОЙ АКАДЕМИИ.

«ЭПИЗОДЪ МОРСКОГО БОЯ» («Борьба миноносцевъ съ подводной лодкой»).—Карт. худ. Хэми:

Живые подарки.

Прошлое наше не въ мѣру предупредительныхъ отношеній къ Германіи иногда трѣшило явно несуразными съ нашей стороны курьезами огорчительного свойства. На сохранившійся во всей укоризненности былой югендлисти передъ вкусами Гогенъ былой югендлисти предъ вкусами Гогенъ-целлерновъ досадливо пыталася любой русский туристъ, которому довелось побывать въ старомодной резиденціи королей прусскихъ и ихъ гвардіи—въ Потсдамѣ.

Скучнѣйший нѣмецкій городишко, весь застроенный въ стилѣ кордегардіи или гауптвахты, словно застылъ въ чванномъ сознаніи своей государственно-казарменной роли пададума прусской солдатчины. Ни-гль въ Германіи, даже въ самыя тихія времена, вы не встрѣчали болѣе воинственного виза лейтенантою. Нигдѣ на нѣмецкой землѣ, отъ Вислы до Рейна, не отбивался съ такою гулкостью, съ такимъ «заносомъ» знаменитый «пруссійский шагъ», отъ котораго таяли наши Аракчеевы, какъ на плацахъ и улицахъ угрюмого Потсдама, съ его фельдфебелями, похожими на генераловъ, и наоборотъ. И опять-таки, пожалуй, нигдѣ въ Германіи никогда не чувствовалъ себя такъ сконфуженнымъ вѣнчично-памятливымъ русскій человѣкъ, какъ стоя въ склепѣ потсдамской «Гарнизонной церкви», возлѣ гроба Фридриха «Великаго» и вспоминая патетическую сценку, ловко разыгранную здесь болѣе вѣка назадъ простоватымъ съ виду королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, когда Нѣццамъ приходилось очень плохо отъ прозорливости Наполеона.

А въ полуверстѣ отъ Потсдама, къ сѣверу отъ сплошь подѣланного на французскій духъ Санть-Суси, расположеннъ, какъ гласить королевский указъ 1827 г., ры, съ «коньками», прорѣзными карнизами, крестообразнѣя форма. На горѣ, рядомъ, «Прочный памятникъ связь дружбы съ императоромъ Александромъ Павловичемъ». Это двѣнадцать домиковъ въ нарочи-щечныхъ, поуже, таѣ что получается бы, да и только: какое трогательное от-

«ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ».—Карт. худ. М. Г. Платунова.
Съ фот. Ксень. Глыбовской.

пошепіе къ реликвіямъ прошлаго и какая бережликая памятность о былыхъ узахъ двухъ монарховъ. Вы готовы еще болѣе отдать порыву сантиментальности, когда въ двериѣ домиковъ ванъ бросится въ глаза дѣочки съ фамиліями ихъ обитателей и вы прочтете на нѣмецкой готикѣ Григорьевыхъ, Яблоковыхъ, Фокиныхъ, Шишковыхъ, Волгинъ, Анисимовыхъ и другихъ. Но вотъ вы дѣлаете попытку познакомиться съ осѣвшимъ на чужбинѣ соотечественникомъ и стучитесь.

Ванъ отворяетъ старичокъ съ плохимъ выбритымъ лицомъ типичнаго «ко-лониста» изъ-подъ Петрограда. На ваше русское привѣтствіе посыпѣтъ нѣкоторой неловкой паузы садутъ нѣмецкій отвѣтъ, со всѣми тонкостями берлинскаго выговора, и не совсѣмъ-то радостное приглашеніе войти. Разговоръ какъ-то не задается. Появляется мало-по-малу вся семья. Младшее поколѣніе косится и съ недоумѣніемъ начинаетъ вслушиваться въ звуки ритмично чуждаго имъ языка, если вы заговорите по-русски. Начинаете искать глазами въ переднемъ углу то, что неразрывно связало съ представлѣніемъ о хилишъ всякаго Яблокова и Фокина—икону. Увы, далеко не въ каждомъ аккуратно вылизанномъ на нѣмецкой ладѣ домишѣ на вѣсль вынимаетъ знакомый съ дѣтствомъ погемѣзій лицъ. Еще рѣже на книжной полочкѣ домухозяйки попадается небольшой томикъ съ параллельными текстами нѣмецкими и церквино-славянскими, прѣчимъ послѣдній отпечатанъ... латинскими шрифтами.

Это сурогат духовной пищи, которую довольствуется сохранившій вѣнчие православіе Яблокочъ и его дѣти, часто, широчайше, конфирамованные по лютеранскому обряду.

Вы оставляете «русскій» домикъ съ ти-ражаютъ одну улицу пошире и двѣ по-колокольнею. Одно умиліе, казалось желаемъ чувствомъ на душѣ, почти рас-кликавшись тѣй своей любознательности, при-

ведшей въ это безотрадное мѣсто. И неизбѣжно напрашивается вопросъ: что же это за люди, которые такъ легко, безъ должнаго отпора, потеряли свой национальный обликъ, опѣмчились до полнаго забвінія своего роднаго языка, утративъ врожденную породу, замѣненную амальгамою двухъ столь несходныхъ по духу крайностей. И если съ такимъ Яблоковымъ, Фокинымъ провести побольше времени, познакомиться съ нимъ поближе, то приходится сдѣлать выводъ, что онъ не Нѣмецъ, но и не Русскій: съ него стерли русскую краску, но не придали ему подлиннаго ложа нѣмецкой цивилизациіи, а вмѣсто этого лишили его всей сметливости и толковитости простого русскаго человѣка, превращеннаго въ какое-то безличное и безнародное существо.

Самъ Яблоковъ и его «земляки»—обитатели этой игрушечной колоніи «Александровки»—смутно представляютъ себѣ цѣль обстоятельствъ, зашвырнувшихъ ихъ въ солдатское царство. То, что рассказывали имъ отцы и дѣды, давно потеряло характеръ личныхъ сѣдѣній или воспоминаній и приблизилось къ типу глухо слышанной и плохо переданной легенды, съ многими наслоненіями «отъ лукаваго».

Въ концѣ 1716 г. царь Петръ Алексѣевичъ съ искреннимъ восхищеніемъ описывалъ царицу Екатерину Алексѣеву «изрядные призенты», полученные ею отъ короля прусскаго Фридриха-Вильгельма I, спѣшившаго заручиться благожелательностью сѣвернаго монарха. То были яхта «Ъло убранныя» и сохранившіяся понынѣ въ Царскомъ Селѣ яштарный кабинетъ, «о чёмъ давно желали». Петръ, конечно, въ долгу не остался и къ «свѣтлѣшему, державнѣшему королю и курфюрсту, многоуважаемому другу, зуму и брату» отправленъ былъ камер-юнкеръ Толстой, представившій Фридриху-Вильгельму отъ царскаго имени 55 рослыхъ grenадеръ, самыхъ высокихъ, какіе только въ русской военной службѣ нашлись. Король, едва ли не превыше всего на свѣтѣ цѣнившій великановъ, былъ чрезвычайно обрадованъ этимъ щедростью и отвѣтилъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» щемъ между собою говорили, того отъ самыи лѣтѣво-благодарственнымъ письмо, въ концѣ которого говорилось: «Впрочемъ, вышеупомянутыѣ grenадеры, со всѣю мою армию, со всѣмъ, что я въ состояніи употребить къ услугамъ вашего величества, состоять въ вашемъ распоряженіи, а я самъ лично на всю мою жизньъ въ немъ пребываю».

Снабженіе королевскаго исполинскаго батальона русскими солдатами продолжалось и въ послѣдующую за Петромъ I царствованіемъ. При самомъ Петре въ 1713 по 1724 годъ почти каждое слово, а что мы съ товари- еда прерываемо глубокими вдохами и поступило, по нѣмецкимъ источникамъ, около 150 человѣкъ, а при императрицѣ Аннѣ Ioannovnѣ—39. Лишенные надежда- щаго религиознаго наблюденія эти «ру- скіе Пруссаки» постепенно ослабли въ православіи. Поэтому наше берлинское посольство довело до свѣдѣнія императрицы о замѣченномъ упадѣ нравственности среди поселенныхъ въ Потсдамѣ русскихъ grenадеръ и ходатайствовало о присылкѣ для нихъ особаго священника. Государыня сочувственно отнеслась къ этой надобно- сти и посыпалась своему берлинскому пред- ставителю князю Голицыну объявить королю, что она намѣрена командировать въ Потсдамъ специальнаго православнаго свя- щенника для русскихъ солдатъ, «дабы расположить ихъ служить королю со всѣмъ усердіемъ иѣрѣстью, съ какимъ они обязаны». Король не могъ ничего противъ этого возразить и въ 1733 г. въ Потсдамѣ была сооружена деревянная церковь, но безъ колоколни и колоколовъ, во имя Симеона Богопріимца и Анны пророчицы «для служашихъ при его королевскомъ величествѣ въ войскѣ русскихъ людей». Въ этой-то церкви побывалъ прѣзидентъ черезъ Потсдамъ Карамзинъ, отмѣтившій

ТРЕХСОЛѢТИЕ ПАМЯТИ НАРОДНАГО ГЕРОЯ.

«МИНИНЪ».—Карт. проф. К. Е. Маковского.
Съ фот. Ксении Глыбовской.

ГАЛИЦІЯ.—За Днѣстромъ. Базарь въ галицкій деревнѣ.

тихимъ голосомъ молящагося старца, который приходилъ туда по воскресеньямъ читать священнѣшую изъ книгъ, приготовляющую его къ блаженной вечности. Въ церкви все чисто, церковная утварь и книги хранятся въ сундукахъ. Отъ времени до времени она перебирается изъ съ молитвою. «Часто отъ этого сердца,— сказалъ отецъ,— скрушаюсь я о томъ, что по смерти мечтъ, которая отъ меня, конечно, уже поддалась, некому будетъ смотрѣть за церковью». Съ согласия про- были мы въ сейтѣ священномъ мѣстѣ, простились съ почтеннымъ старикомъ и пожелали ему тихой смерти».

Священникъ, присланній императрицею Анною, о. Василий Щербакій, умеръ уже въ 1740 г. и затѣмъ некоторое время при церкви служилъ священникъ нашего посольства въ Берлинѣ, прѣѣзжавшій изъ Потсдама для требъ и получающій за это изъ королевскихъ суммъ за каждую поездку по 16 талеровъ. Семилѣтняя война приостановила на время православное богослуженіе, а въ 1765 г. оно и совсѣмъ было прекращено, такъ какъ «король-философъ»—Фридрихъ II, онъ же «Великий», призналъ нужнымъ дать помѣщеніе русской церкви болѣе подходящее, по его мнѣнію, назначеніе, открывъ въ ней театръ для представлений труппы комедіантъ. Спектакли просуществовали здесь до 1777 года, потомъ власти устыдились своего явного кощунства и закрыли театръ. Зданіе мало-по-малу запустѣло, окна заколотили досками, но они были разбрасаны, такъ что все строеніе приняло очень безобразный видъ, и король приказалъ выстроить на мѣстѣ его новый каменный цѣхгаузъ. Теперь здесь помѣщается главный контроль.

Впервые обратила вниманіе на ненормальность положенія русскихъ людей въ Пруссіи дочь великаго Петра—императрица Елизавета Петровна, недолюбливавшая Фридриха II, при которомъ и началось почти что гоненіе на родную вѣру подаренныхъ солдатъ. Императрица сдѣлала попытку добиться отъ Фридриха отпуска оставшихся въ живыхъ «колонистовъ» на родину, но получила отъ него решительный отказъ. Разумѣется, такое упрямство короля не улучшило отношеній между нимъ и государынею. Во всякомъ случаѣ, тогдашній нашъ представитель при прусскомъ дворѣ графъ П. Г. Чернышевъ доносилъ, что его «ежедневно Россійскіе въ службѣ Пруссії имѣющіеся въ разныхъ гарнизонахъ солдаты просятъ, дабы они бѣ какъ изъ здѣшней службы, такъ и въ свое отечество возвратиться могли бы». Такихъ встосковавшихся по родинѣ бѣдняковъ оказалось 69 человѣкъ, многие конечно вынуждены были промолчать о своемъ стремлѣніи къ отечеству изъ страха предъ прословутыми фридриховскими шинширутами. Не взирая на всѣ свои дипломатическіе подходы, Чернышевъ успѣха не добился, потому что «ничто королю въ сейтѣ не могло быть противнѣе, какъ ежели кто изъ службы его аѣшила просить».

Существующая понынѣ въ Потсдамѣ православная церковь во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго сооружена была въ 1829 г. въ память императора Александра Павловича для подаренного имъ прусскому королю Фридриху-Вильгельму III 23 марта 1813 г. хора русскихъ пѣсениковъ, въ составѣ которыхъ были 4 фельдфебеля, 4 унтер-офицера и 13 рядовыхъ: къ нимъ же при возвращеніи нашей гвардіи изъ заграницнаго похода было прикомандировано еще 7 человѣкъ изъ русскаго же гвардейскаго имени короля полка.

Сорокъ лѣтъ спустя, послѣдний оставшій въ живыхъ изъ этихъ пѣсениковъ, Дмитрий Сергеевъ, рассказалъ заѣзжему въ Потсдамъ соотечественнику, при какой обстановкѣ, по его памяти, совершилось это грустное дареніе образцовыхъ солдатъ.

«Прѣѣхалъ прусскій. Да лады. Понимаю его велическій ксандръ П. Такъ и такъ ское велическое сельниковъ. «Да такъ склонзована каждаго построились. брали—кто стой. Женщины вѣдь въ скоуму...»

— Но и пущий разъ собственнѣннѣе лааете ли я? — Да о сударь вѣдь такъ нача- сами изво- жеть, коли вѣтно: «Брали на

При «съ Сергеевъ шимъ» Пру- изъ нихъ, засталъ п. о. А. П. о своемъ мѣва.

— Былъ Сансасею, вить наст- запѣвало.

Ну... Побо- Ходи- Мы А коро- гости-то, что это тъ Король-то нему, по- саса. А мы

Надо отъ Вильгельмъ валь какъ-то, хотя... звалось Такъ, на упирь, сдѣлать с- ствъ и кучеромъ тораго б- изба, наз

«Прѣхалъ это его величество король пруссій. Дѣлали ему парады, маневры дѣлали. Поправились ему пѣсельники. Вотъ его величество покойный императоръ Александъръ Павловичъ и говорить ему: «Вотъ такъ и такъ, не хотите ли, ваше королевское величество, я вѣль снарижу хоръ пѣсельниковъ?»—«Какъ же это такъ?»—«Да такъ же».—Вотъ послѣ парада-то и скомандовали: «Пѣсельники впередъ»—отъ каждого полка значить. Вышли мы, выстроились. Тутъ подошло начальство, выбрали—кто былъ получше, да былъ холостой. Женатыхъ отослали. Выбрали настѣ членѣвъ двадцать. Ну и говорятъ: «Жалуютъ вѣсъ его величеству королю прусскому...»

— Но неужели же,—спросилъ передернутый разсказомъ старого пѣсельника его собесѣдникъ,—вѣсъ не спрашивали: жалуете ли вы?

— Да оно, пожалуй, и спрашивали. Государь вѣль—по доброй волѣ. Ну да такъ начальство—что отвѣтишь. Солдатъ, сами изволите знать, разсуждать не можетъ, коли начальство спрашиваетъ. Извѣстно: «рады стараться». Ну, вотъ отобрали настѣ, осмотрѣли и скомандовали: «маршъ» и погнали...

При «старомъ королѣ», какъ именовалъ Сергеевъ Фридриха-Вильгельма III, нашими Пруссакамъ жилось сносно. Одинъ изъ нихъ, Федоръ Фокинъ, которого еще засталъ покойный берлинскій протоіерей, о. А. П. Мальцевъ, любилъ повѣствовывать о своемъ житьѣ-бытьѣ въ прежній времена.

— Бывало, созоветъ король гостей въ Санксау, да во время кушанья и заставить настѣ пѣсть русскія пѣсни. А я былъ запѣвало. Вотъ и заню:

Ну-ка, русскіе солдаты,
Пойдемъ Нѣмца выручать,
Хошь они на настѣ сердиты,
Мы пойдемъ за нихъ страдать...

А король-то засыпется этой пѣсѣ. А особая комната для короля (невѣдѣмого г.), гренадеръ Ефимъ Гавриленко (1835 г.), любить разлагольствовать Нѣмцы, живо-предназначенія). Бархатовъ-Боковъ по гренадеръ Кузьма Полуяновъ (1837 г.), писут прѣят простодушными людьми всѣ

смѣрть свою носилъ русское кучерское гренадеръ Иванъ Стариковъ (1842 г.), уни-платье, а жена его, чистокровная Нѣмка, терь-офицеръ Иванъ Яблоковъ (1843 г.), бы свободою мысли.

А король-то засыпется этой пѣсѣ. А мы еще грече запоеемъ.

Надо отдать справедливость Фридриху-Вильгельму: онъ дѣйствительно чувствовалъ какое-то влечение ко многому русскому, хотя чаще всего его русофильство проявлялось въ довольно-таки наивной формѣ. Такъ, напр., онъ очень любилъ русскую упражн. Императоръ Александръ опять склонился, что Пруссаки низошли какъ изъ отечества въ стоско-избѣ, низошли какъ изъ пресловутенами. Русские под-бѣли, по-не могло изъ служ-

ГАЛИЦІЯ.—Дѣти, раненые ружейными пулями.

Сначала въ колоніи все было дѣятельно какъ будто по-русски. Но, черезъ смыщанные браки, пробились въ нее нѣмецкіе обычай и прежде все-го—языкъ. Ознакомленіе шло медленно, но неуклонно, достигая желательныхъ Пруссакамъ результатовъ. И вотъ когда въ 1861 г. епископъ Леонідъ, возвращался изъ Парижа, куда онъѣздилъ на освященіе нашей посольской церкви, постѣль «Александровку», то старѣйший колонистъ, Николай Яблоковъ, облаченный во фракъ, привѣтствовалъ владыку на нѣмецкомъ языке. А на вопросъ владыки, неужели онъ не помнитъ сколько-нибудь русской рѣчи, Яблоковъ замѣлся и произнесъ слова: «Чай, самоваръ, хлѣбъ, квасъ, хорошо, направо, нальво»... и только.

Колонистамъ было предоставлено право крестить дѣтей по православному или по лютеранскому обрядамъ, но никакъ не по римско-католическому. Родители условились: мальчиковъ крестить въ православіе, а девочекъ въ лютеранство. Но тутъ на помощь лютеранству подоспѣла нѣмецкая школа, изѣбжать которой колонистамъ, даже въ случаѣ ихъ нежеланія, не представлялось возможнымъ, въ силу обязательности обученія. И пришлось православнымъ мальчикамъ, наравнѣ съ нѣмецкими ребятами, долѣть лютеровъ катехизисъ и даже подвергаться конфирмациѣ. По крайней мѣрѣ протоіерей Мальцевъ, въ начальѣ своей берлинской службы, въ 1853 г., установилъ, что изъ числа 10 лицъ мужскаго пола второго поколѣнія, двое были прямо крещены въ лютеранство, пятеро конфирмованы вторично по лютеранскому обряду и только трое были православными, но и то лишь по имени, съѣмъ не зная своей вѣры. А ужъ третье поколѣніе окончательно уступило патику, германизма и совершенно одичало...

При этомъ въ верхнемъ этажѣ «блокгау-фельдфебель Иванъ Вавиловъ (1831 г.), зас», какъ окрестные Нѣмцы именовали гренадеръ Иванъ Григорьевъ (1831 г.), живице Бархатова, почему-то передѣланъ гренадеръ Василій Шишковъ (1833 г.). Вотъ къ чему свелась пресловутая вѣро-нашъ ими въ Бокова, была за перегородкою унтеръ-офицеръ Степанъ Воагинъ (1833 г.) терпимость протестантства, о которой тѣ, предназначенія). Бархатовъ-Боковъ по гренадеръ Кузьма Полуяновъ (1837 г.), писут прѣят простодушными людьми всѣ

смерть свою носилъ русское кучерское гренадеръ Иванъ Стариковъ (1842 г.), уни-платье, а жена его, чистокровная Нѣмка, терь-офицеръ Иванъ Яблоковъ (1843 г.), бы свободою мысли.

Въ 1827 г. Фридрихъ-Вильгельмъ наладилъ Петръ Алексѣевъ (1859 г.) и гренадеръ Петръ Фоминъ (1855 г.), гренадеръ Петръ Дмитрий Сергеевъ (1861 г.). Пишуши эти строки нѣсколько лѣтъ позади нашелъ на Потсдамскомъ городскомъ кладбищѣ уцѣлѣвшія могилки, счетомъ получая въ свой составъ чистѣйшую сердниковъ. На особой деревянной доскѣ, поставленной въ храмѣ, близъ алтаря, на-шести, этихъ гренадеръ и ихъ потомковъ; цевину наиболѣе здорової части русскаго чертансъ русскимъ письмомъ имена 14 да-куда лѣзались кости остальныхъ—Богъ народа, Нѣмцы предложили намъ обмѣнѣть и подарили ему тройку вѣстѣ съ сми-вно уже почившихъ солдатъ, причемъ тутъ вѣдетъ. Пруссаки земля, видимо, не поже-ко кучеромъ, Евлампіемъ Боковымъ, для ко-же висятъ и заслуженные ими русскія и дала отнести къ нимъ съ должною па-ностью по поговоркѣ: чѣмъ богаты, тѣмъ и ра-тораго была выстроена особая русская прусская медали. Вотъ ихъ списокъ: гrena-мѣтливостью и безсѣдно засосала въ мыхъ негодяевъ.

Это далеко не шутка. Извѣстно, что въ

ГАЛИЦІЯ.—Раздача бѣлъ бѣженцамъ изъ поѣзда-склада имени Наслѣдника Цесаревича АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА.

У ЗДАНІЯ ШТАБА КОРПУСА. Командиръ корпуса ген. Б., два сына котораго въ пѣтнѣ и третій раненъ. Около генерала гр. М. А. Напістъ, завѣдующаго складомъ при Ставкѣ имени Наслѣдника Цесаревича, личный адъютантъ ген. Алексѣева гр. П. И. Напістъ и нашъ военный корреспондентъ А. Іконниковъ (крайній слѣва).

Гор. ТРАПЕЗУНДЪ. Рисунок сдѣланъ съ форта Гюзель-Сарай. Надъ городомъ летаетъ нашъ лётчикъ М.-ръ. Въ бухтѣ стоять наши транспорты. На первомъ планѣ развалины стариннаго монастыря св. Георгія. Сзади его кипарисы на греческомъ кладбищѣ.

Рис. А. Пржецлавскій (участникъ войны).

1802 г. наше правительство согласилось зовали второй «шпелонъ» въ 200 «чело-на просьбу Пруссии разрѣшить отправку вѣкъ, но онъ уже не былъ доставленъ по вѣ Сибирь... прусскихъ преступниковъ, назначению, такъ какъ у Нѣмцевъ нашелъ признанныхъ на ихъ родинѣ совершиенно са конфузливый человѣкъ—извѣстный нежелательнымъ элементомъ, годнымъ министръ Штейнъ, у которого хватило со-лишь на развиціе окружавшихъ. Мы вѣтливости за своихъ соотечественниковъ, не смогли отказать нашимъ добрымъ и дальнѣйшая «колонизация» Сибири при дружильѣ въ маленькой услугѣ, тѣмъ бо- посредствѣ подонковъ иѣменского общества лѣ, что они изъзвили желаніе принять оборвалась. А теперь Пруссаки понашаются «транспортныи издержки» частью на свой туда уже въ качествѣ непрошеннѣи го-счетъ, считая свою долю въ расходахъ по стей: ихъ привезъ пльни.

В. Ачи-ъ

Перчатка.

Её любимая рука
Богда-то на себѣ носила,
Она блѣдна, она узка
И форму милой сохранила.

Она печальна и нѣжна,
Попошена уже довольно,
Чуть пахнетъ призрачно она,
И съ ней миѣ какъ-то томлѣ, больно... ціи, вызванными войной, будущій исто-
рикъ отмѣтить, несомнѣнно, также и мо-
билизацию сатиры и карикатуры. Конечно,
и въ прежнія времена при крупныхъ

Миѣ кажется, что тѣнь руки
Меня ласкаетъ подъ перчаткой.

Н. Вильде.

Литературные замѣтки.

Война въ сатирическомъ отраженіи.
На раду съ другимъ видами мобилиза-
ции съ ней миѣ какъ-то томлѣ, больно... ціи, вызванными войной, будущій исто-
рикъ отмѣтить, несомнѣнно, также и мо-
билизацию сатиры и карикатуры. Конечно,
и въ прежнія времена при крупныхъ

Полковн. В. А. Карловъ.

Подполк. В. И. Сосновский.
Нагр. орд. св. Георгія 4 ст.

Шт.-кап. В. Д. Крупенинъ.

Подпоруч. Ф. А. Бахъ.
Кагранд. орд. св. Георгія 4 ст.

Подпоруч. Ю. Ф. Рубецъ.

Шт.-ротм. Б. И. Черемисиновъ.

Шт.-кап. В. И. Валицкий.
Нагр. Георгиевскимъ оружи.

Поруч. П. И. Чайковъ.

Пралорщ. А. М. Фогель.

Пралорщ. Н. Е. Бушъ.

столкновенияхъ пародия сатирический бить стремился наносить удары врагу, выбирая наиболѣе уязвимыя его мѣста. Но такія нападенія бывали болѣе или менѣе случайными, имѣли какъ бы партизанскій характеръ. Между тѣмъ въ войнѣ «возоза» съ «согласиемъ», не найдется наѣрно такого мало-мальски значительного момента, который тотчасъ же не отразился бы въ юмористическихъ стихахъ либо въ юмористической рисункѣ, такъ что можно было бы, пожалуй, составить своеобразную исторію войны, какой она представляется подъ юмористико-сатирическимъ угломъ зреінія.

Разумѣется, всѣ эти «моментальные снимки», дѣлаемые въ то время, когда водоворотомъ событий захвачены всѣ и каждый, придаютъ нерѣдко отдельнымъ фактамъ не то значение, какое они имѣли въ действительности; но они и не претендуютъ на то, чтобы быть вполнѣ точнымъ зеркаломъ происходящаго, и цѣнность ихъ какъ для современниковъ, такъ и для будущихъ историковъ нашего времени состоить, главнымъ образомъ, въ томъ, что они отражаютъ общественное настроеніе данного момента. Въ этомъ отношеніи «Пѣсни о Нѣмцахъ въ Туркахъ», г. В. М. Голикова (Wega) * даютъ читателю рядъ картинъ, могущихъ служить напоминаніемъ о многихъ столь еще недавнихъ, но уже кажущихся такими далекими событияхъ. Авторъ «Пѣсни» бойко владѣеть стихотворѣмъ, умѣть, где надо, «оперить» его «летучей риѳомъ», обладая имѣть съ тѣмъ способностью подмѣчать смѣшныя стороны тѣхъ лицъ и явлений, о которыхъ идеть рѣча въ его стихахъ. Приведя «родословную» зачинщика настоящей войны, г. Wega говоритъ:

Такъ, безъ особыхъ хлопотъ
Стремясь къ завѣтной цѣли,
Шли Гогенцоллерны впередъ,
Росли и богатѣли,
Громили, жгли, стрѣляли въ цѣль,
Тонтили всѣхъ конями,
Набрали денегъ и земель
И стали королями...

Не мало вниманія удѣляетъ авторъ юмористическимъ женщинамъ. Опѣтъ предостерегаетъ Нѣмку отъ «романтическихъ» туманийъ, этого «Шиллера наслѣдства»:

* В. М. Голикова (Wega). *Пѣсни о Нѣмцахъ и Туркахъ. Въ тылу.* Изд. состоявшаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Скобелевскаго комитета. Петр. 1915 г., стр. 157. Ц. 1 р. 25 коп.

Кайзеръ, киндеръ, кирхе, кюхе—
Это сѣтная гирлянда:
Съ нею становишь въ прусскомъ духѣ
Красою фатерлянда!

Въ другомъ стихотвореніи авторъ не безъ юмора изображаетъ женскую «нештатную команду», мобилизованную для замѣщенія писарекъ должностей въ воинскихъ канцелярияхъ. «Писарь Каролина» работаетъ толково, но держать такого писаря—одна напастъ:

Мальчишки-лейтенанты
Изъ штаба—ни ногой,

Подносятъ ленты, банты
И тають всей толпой
Предъ этой Каролиной.
И шепчетъ съ нѣжной миной
Бригадный адъютантъ,

Что писарь Каролина—
Не писарь, а картина,
Не писарь, а брильянтъ!

Удѣляя много вниманія колебаніямъ политического барометра, г. Wega, конечно, отдаетъ должную дань поведенію «нейтралочекъ», не могущихъ рѣшить, кт. какой изъ воюющихъ сторонъ имѣетъ пристать. Въ такомъ затруднительномъ положеніи находится, напр., «румынская кокетка»:

И глядѣть бѣдняжка-дѣва
То направо, то налево:
Ахъ, не выпло бы ошибки!
Тру-ла-ла! тру-ла-ла!
Ахъ, пойти-ла на гостье сердца,
Иль, уѣшивши Венгерца,
Вновь сыграть на прусской скрипкѣ:
Тру-ла-ла! тру-ла-ла!

Кромѣ Вильгельма и его сподвижниковъ: старого Франца, сultана, кронпринца, Бюлова, Гинденбурга и др., авторъ выводитъ и героя тыла, работающихъ на пользу нашихъ враговъ,—«руско-prusскихъ патріотовъ» Карионъ-Ивановичъ, «шептуноў», черезъ которыхъ «слухи, вѣсти, сплетни, бредни расположаются кругомъ», предпримчиваго комерсанта, поставляющаго товары «нейтральнымъ Шведамъ», но кормящаго въ действительности Нѣмцевъ. Авторъ заканчиваетъ поэзію о его подвигахъ пожеланіемъ:

Но, читатель, хорошо бы
Черезъ шведскій портъ
Вмѣсть съ дѣти и ето бы
Передати въ экспортъ.

Распространенію книги г. Wega, помимо интереса, который она представляется сама по себѣ, будетъ способствовать несомнѣнно и то, что весь доходъ отъ издания предназначается на усиленіе средствъ Скобелевскаго комитета.

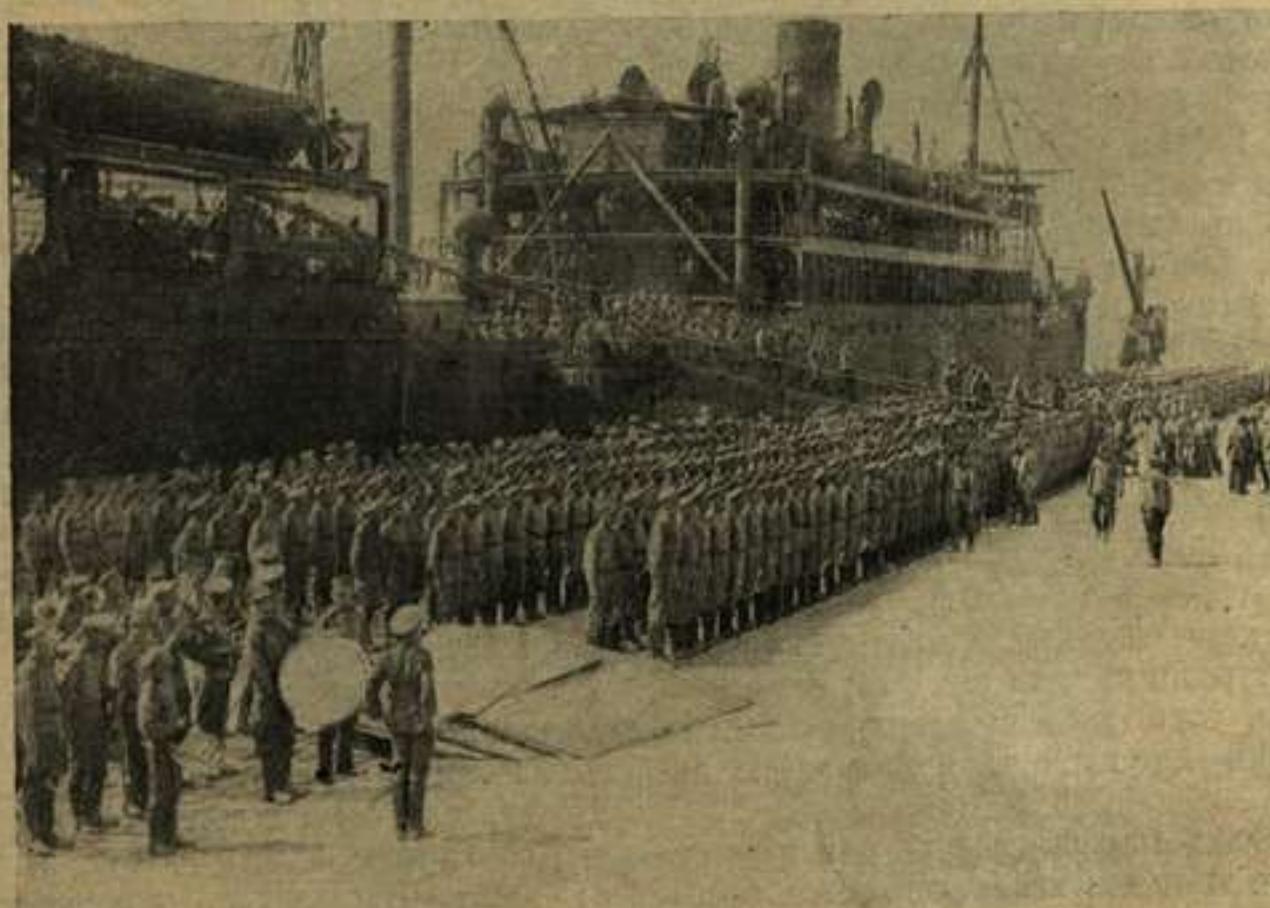
П. И. В.

Художественное творчество народностей Россіи.

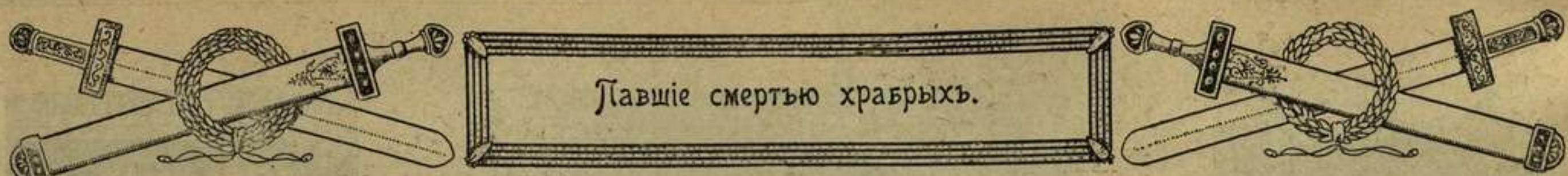
Интересную задачу поставилъ себѣ книгоиздательство «Шарусъ» — рядъ сборниковъ, посвященныхъ литературному творчеству племенъ, историческая судьбы которыхъ связана съ государственнымъ бытѣемъ Россіи. Это будутъ переведенные на русский языкъ наиболѣе характерные образцы, по которымъ можно судить о литературной жизни данного племени. Только что вышла первая такая книга: «Сборникъ армянской литературы».

Галиция.—Въ штабъ полка. Привезли подарки.

Прибытие русского отряда въ Марсель.

Подпоруч. В. Д. Дундуковъ.

Полк. А. Ф. Пфингстенъ.

Капитанъ Еременко.

Прапорщ. Н. П. Филипповъ.

Подпоруч. А. Ф. Гинкуловъ.

Прапорщ. А. Ф. Шебановъ.

Прапорщ. С. П. Назаровъ.

Пропорщик Ю. И. Воробьевъ.

Прапорщик В. И. Дементьевъ.

Прапорщик А. Л. Нокуновъ.

Еще официальная ложь Нѣмцевъ.

Въ Лондонъ издана нынѣшней зимой небольшая брошюра, посвященная вошущему дѣлу казни Германцами въ Брюссель английской подданной мисс Эдиты Кавель—старшей сестры милосердія въ Брюссельскомъ хирургическомъ госпиталѣ. Объ этомъ дѣлѣ въ свое время говорилъ весь міръ, и брошюра лишь воспроизвѣдѣла официальные документы—дипломатическую переписку и донесеніе американского посланника въ Брюссель, которому было поручено слѣдить за судьбою обвиненной Нѣмцами дѣвушки. Но что собою представляютъ эти документы! Какой позоръ для германскихъ властей въ Бельгіи, какая наглая и подлая ложь!

28 августа 1915 года сэръ Эдуардъ Грэй обратился въ послу Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонъ мистеру Паджу съ просьбой навести вѣсѣ справки объ условіяхъ ареста Эдиты Кавель, обвиняемой Нѣмцами якобы въ шпионствѣ. Брюссельский американский посланникъ получилъ въ виду этого инструкцию подробнѣ ознакомиться съ дѣломъ и оказать необходимую помощь арестованной.

Эдуарду Грэю официально отвѣтилъ мистеръ Паджъ, уведомляя его объ обѣщаніи, полученному отъ германскихъ властей, подробнѣ ознакомить американское посольство съ движениемъ дѣла, и предоставить мисс Кавель всѣ законные способы юридической защиты. Такъ какъ охрана интересовъ англійскихъ подданныхъ вѣрена американскому дипломатическому представителю, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Брюссель мистеръ Уитлокъ взялъ на себя обязанность внимательно слѣдить за дѣломъ, сносясь съ германскими властями.

Но совершенно неожиданно, вечеромъ 11 октября, посланникъ узнаетъ отъ частного лица, что военный судъ уже приговорилъ въ пять часовъ дня Эдиту Кавель къ смертной казни, и что приговоръ, вѣроятно, будетъ приведенъ въ исполненіе въ ту же ночь. Изѣйтіе было ошеломляющее. Посланникъ немедленно отправилъ своего секретаря къ германскому генераль-губернатору. Туда же явился еще и испанский посланникъ,

принявший дѣятельное участіе въ хлопотахъ.

Баронъ фонъ-деръ-Ланкенъ, завѣдавшій политическимъ отдѣломъ генераль-губернаторства, попробовалъ сначала усомниться въ правдивости изѣянія властей военныхъ, и что генераль-губернаторъ и говорилъ, что ему ровно ничего патрѣ тутъ рѣшиительно не причемъ.

Лишь послѣ настойчивыхъ требованій онъ согласился навести справку и тогда отвѣтилъ, что смертный приговоръ дѣйствительно состоялся, но что это дѣло исключительно со стороны отсрочки исполненія приговора, и что такого ходатайства не оказалось, что такого ходатайства принять некому. У генераль-губернатора утверждали, что, во всякомъ случаѣ, приговоръ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе ранѣе двухъ-трехъ дней.

Въ течениѣ цѣлаго вечера американский и испанскій посланники добывались всячески, чтобы было принято ходатайство объ отсрочкѣ исполненія приговора, но оказалось, что такого ходатайства принять некому. У генераль-губернатора утверждали, что, во всякомъ случаѣ, приговоръ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе ранѣе двухъ-трехъ дней.

Но на слѣдующее утро стало известно, что мисс Кавель уже казнена въ два часа ночи. Военные власти торопились исполненіемъ приговора, боясь, что посланникъ удастся въ концѣ концовъ настоять на какихъ-нибудь распоряженіяхъ изъ Берлина, настоять на просмотрѣ дѣла, такъ какъ обвиненія противъ Эдиты Кавель во всякомъ случаѣ, не могли юридически квалифицироваться, какъ шпионство.

Изданные документы устанавливаютъ, такимъ образомъ, съ полной очевидностью официальную ложь германскихъ властей, давшихъ категорическое обѣщаніе сообщить американскому посольству о ходѣ дѣла и втихомолку торопившихъ уже, позидимому, предрѣшенный смертный приговоръ. Несмотря на завѣренія, что обвиняемой будутъ предоставлены всѣ гарантіи юридической защиты, къ ней не допустили юрисконсульта американского посольства и предоставили довольствоватьсь назначеннымъ защитникомъ—Нѣмцемъ майоромъ Брауномъ.

Генераль-губернаторъ Бельгіи баронъ фонъ-Биссингъ не захотѣлъ оказать ходатайству обѣзъ посланниковъ никакого содѣйствія, когда еще можно было задержать исполненіе приговора. Въ книѣ приведено адресованное ему письмо посланника Уитлока, и надо дѣйствительно быть Тевтономъ, чтобы отнести съ полнымъ разнодуміемъ къ его доводамъ. Надо бы совершенно обнаглѣвшимъ Нѣмцемъ, чувствующимъ, что сейчасъ его никакъ нельзя заставить подчиниться, чтобы съ такимъ высокомерiemъ встрѣтить улыбкой презрѣнія вполнѣ справедливымъ требованіемъ дипломатического представителя большой нейтральной державы, которой была избрана охрана интересовъ обвиняемой.

Эдита Кавель умерла героиней, но на головы ей палачей ложится позоръ дѣйствительного преступленія.

Проектъ памятника Сервантесу въ Мадридѣ.
Проектъ этотъ, уже одобренный специальнымъ жюри, принадлежитъ скульптору Валера и архитектору Цапатера.

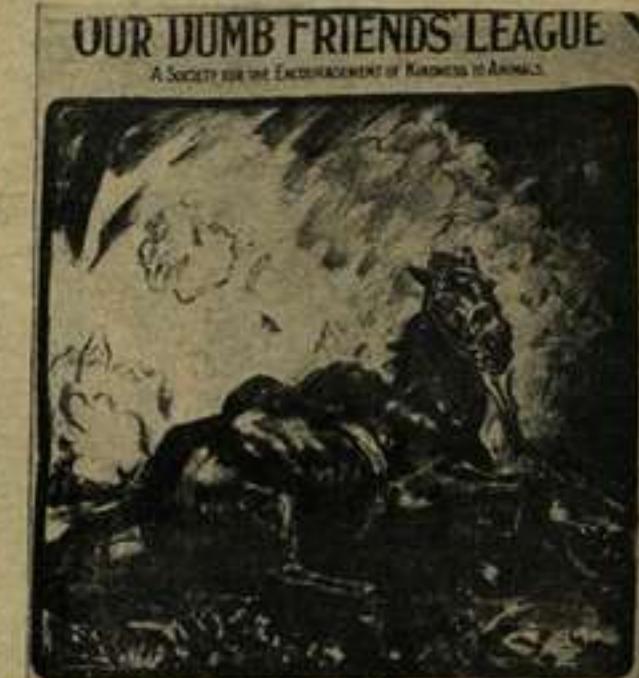
ВЫСТАВКА АНГЛИЙСКИХ ПЛАКАТОВЪ ВЪ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ.

«Изъ этого дома служить королю и родине». Эти листы выставляются изъ окнъ поступившихъ въ армію добровольцевъ.

«Ребята, сюда вы здесь нужны!» Английский солдатъ стоитъ на фронѣ и вызываетъ союзниковъ—Бельгійцевъ.

BLUE CROSS FUND
For WOUNDED HORSES
AT THE FRONT.
DONATIONS IMMEDIATELY TO
ARTHUR J. COKE,
58, VICTORIA STREET, LONDON S.W.

Плакатъ «Синего Креста»: «Нашимъ инымъ друзьямъ». Сборъ въ пользу раненыхъ на фронѣ лошадей.

Мелочи.

Примѣръ, которому придется подражать.

Наши войска, занявши Эразерумъ и гіи и жаждущій кипучей дѣятельности, сразу натолкнулся на всеобщій скептицизмъ своихъ коллегъ—соотечественниковъ и на ярко-враждебное отношение туземцевъ. Положеніе страны было ужасное: отъ холеры вымирали цѣлыя деревни, а въ самой Манилѣ погибало до 1.000

человѣкъ въ день. Оспа, чума, малярия и всякия другія эпидеміи свирѣпствовали во-всю, а населеніе съ покорностью взирало на это положеніе вещей, считая его проявленіемъ гнѣва Господня, ниспосланного за грѣхи людей. За исключениемъ самыхъ богатыхъ слоевъ, все населеніе ютилось въ деревянныхъ постройкахъ изъ бамбука на высокихъ столбахъ, предохраняющихъ отъ наводненій; вину содержалась весь домашній скотъ и туда же выкидывались всѣ отбросы изъ жилыхъ помѣщений черезъ широкія щели, специально для этого сделанные въ полу. Когда въ домѣ заболѣвалъ кто-нибудь, холерой или чумой, всѣ усилия были направлены къ закрытию этого болѣнаго отъ властей. По всей мѣстности бродили тысячи людей, больныхъ проказой, заражая остальныхъ.

Мистеръ Гейзеръ принялъ за дѣло. Прежде всего онъ выбралъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ острововъ, построилъ тамъ уютные домики, окруженные садами, больницами, почтовыми учрежденіями, провелъ вездѣ электричество, открылъ нуж-

ные магазины и затѣмъ обратился уже къ населенію съ воззваніемъ переселить Американецъ, докторъ Викторъ Гейзеръ, на этотъ островъ всѣхъ прокаженныхъ, Онь прибылъ на Филиппинские острова въ разы навсегда удалить ихъ отъ здоровья 1905 году въ качествѣ «директора народнаго здравія», командированнаго американскимъ правительствомъ. Молодой 32-лѣтній докторъ, преисполненный энергии и жаждущій кипучей дѣятельности, на этотъ островъ всѣхъ прокаженныхъ.

Судьба послала жестокое испытаніе Американцу: его собственный ребенокъ, 10-лѣтній мальчикъ, заразился проказой, и долженъ былъ наравѣнъ съ прочими заразиться съ родителями и поселиться на островѣ прокаженныхъ.

Всѣдѣ затѣмъ Гейзеръ принялъ за борьбу съ оспой: цѣлыя арміи осопривателей были разосланы по всей странѣ, многие изъ нихъ погибли жертвами фанатической ненависти и невѣжества туземцевъ, но дѣло было сделано: оспа сразу перестала свирѣпствовать. Въ дѣтской школахъ главной наукой была объявленна гигиена, и смѣшно сказать, что теперь любой ребенокъ на Филиппинскихъ островахъ больше знать о тѣй области, чѣмъ ребенокъ въ Америкѣ или Европѣ. Когда Американцы, борясь съ колерой, стали рыть артезианскіе колодцы, въ странѣ чутъ не вспыхнула ма-тежъ, до того туземцы были убѣждены въ томъ, что ихъ стараются отравить. Помогъ счастливый случай: одинъ туземецъ, бывшій при смерти, которому дали воду изъ колодца, вдругъ совершилъ неожиданно поправленіе. Это произвело такое впечатлѣніе, что изъ глубины страны стали приходить цѣлыя племена съ прошбой завести у нихъ «воду жизни». Сл. этихъ порь Гейзеръ сдѣлался популярнымъ въ народѣ, ему стали вѣрить. И слѣдующая его кампанія, борь-

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Издателъ Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕБЕНКИ.
Электрич., безъ красокъ, 15 р.
только силою въ нихъ тока.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНИЙ
Петроградъ, Морская, 33.

НЕОБХОДИМО ГГ. ОФИЦЕРАМЪ
англ. электро-фонари и. видѣ карманнаго
пера.
Походи, электро-фонари всѣхъ велич.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНИЙ
Петроградъ, Морская, 33.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШІАСА,
простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ
Кефандоль Д-ръ Сторъ.
Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей.
Кефандоль абсолютно безвреденъ.
Остерегайтесь поддѣлокъ.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. С. СУВОРИНА —
«НОВОЕ ВРЕМЯ».
НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГАРДТЬ.

ОГНЕННАЯ КУПЕЛЬ

Историческая повѣсть.

Цѣна 1 р. 60 к.

ЗАЧОНОЕ ОБУЧЕНИЕ РИСОВАНИЮ
по изданію „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ-художниковъ, которые направляютъ присылаемыя работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всѣмъ вопросамъ рисования, живописи и прикладнаго искусства.
Вышеупомянута издачка 7-й томъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Акварель В. А. Лепикашъ. Рисование частей человѣческаго тѣла—А. Г. Новиковъ. Живопись масляными красками—А. В. Маковскій. Линейная перспектива—Т. И. Катуркинъ. Очерки по истории живописи—Б. Ф. Шлецеръ. ИЛЛЮСТРАЦІИ: 81 черныхъ рис., 8 многоцветн. рис., Меццотинато—гравюра.
Издание „Искусство для Всѣхъ“ является грамматикой искусства и охватываетъ всикому человѣку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ.
Для лицъ, занимающихся рисованиемъ или живописью, но не прошедшими никакой серьезной школы; для господъ художниковъ и учителей рисования.
Наконецъ, для родителей. „Искусство для Всѣхъ“ является незамѣннымъ пособіемъ.
Краткій проспектъ бесплатн. Подробный проспектъ „Искусство“ за 15 коп.

T-во «БЛАГО», Петроградъ, Николаевская, 44—73.

Новая книга:
И. Б. СМОЛЬЯНИНОВЪ.
ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЬ

(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ).

Издание М. А. Суворина.

Цѣна 2 руб.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“ и на станціяхъ желѣз. доѣгъ.